

на правах рукописи

ЛЮТИКОВА ЕКАТЕРИНА АНАТОЛЬЕВНА

СИНТАКСИС ИМЕННОЙ ГРУППЫ В БЕЗАРТИКЛЕВОМ ЯЗЫКЕ

**10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук**

Москва — 2017

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

**Официальные
оппоненты:**

Баранов Анатолий Николаевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий Отделом экспериментальной лексикографии ФГБУН «Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН»

Подлесская Вера Исааковна, доктор филологических наук, профессор, профессор Учебно-научного центра лингвистической типологии Института лингвистики ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Рудницкая Елена Леонидовна, доктор филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языков народов Азии и Африки ФГБУН «Институт востоковедения РАН»

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт языкознания РАН»**

Защита состоится «05» апреля 2017 года в 14-30 на заседании диссертационного совета Д 501.001.24 при ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1, стр. 51, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: Москва, Ломоносовский пр., д. 27, и на сайте филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» <http://dissovet.philol.msu.ru/501.001.24/143>.

Автореферат диссертации разослан «__» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

А. М. Белов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предмет исследования

Предметом исследования выступают именные группы безартиклевых языков. Подробно анализируются данные русского, татарского, осетинского, цахурского языков; привлекаются также данные других разноструктурных языков. Изучается внутренняя структура именных групп безартиклевых языков и их дистрибуция во внешнем синтаксическом контексте. Дистрибутивные характеристики именных групп моделируются при помощи синтаксической категории падежа.

Актуальность темы исследования

В настоящее время в области теоретического синтаксиса и синтаксической типологии грамматика именной группы является предметом активного обсуждения. Внутренняя структура именной группы рассматривается в теоретическом синтаксисе в рамках подхода к анализу синтаксических групп, строящихся на базе различных знаменательных частей речи, как расширенных проекций, так что группа лексической категории, проецирующая аргументную структуру, вложена в определенное число функциональных проекций, отвечающих за грамматические характеристики группы — ее количественные и референциальные свойства, а также ее синтаксический дистрибутивный класс. При этом такие исследования сосредоточиваются в основном на материале хорошо описанных европейских языков, в первую очередь германских и романских (см., например, работы А. Алексиаду, А. Беллетти, Х. Борер, Г. Чинкве, М. ден Диккена, Л. Хегмен, Дж. Лонгобарди, Э. Рэдфорда, Л. Рицци, П. Свенониуса, Д. Такахаша и др.). Для славянских языков поиск адекватной синтаксической репрезентации структурных характеристик именной группы представляет собой одно из самых активных направлений исследований (см. труды Е. В. Падучевой, В. И. Подлесской, Я. Г. Тестельца, М. Ядрова, С. Фрэнкса, Ж. Бошковица, А. Перельцвайг, О. Каган, Э. Виллим, Д. Тренкич, Х. Тругман, Г. Раппапорта); для алтайских и иранских языков мы наблюдаем резкий рост интереса синтаксистов к подобным исследованиям (см. работы А. Фаруди, К. Мегердумян, О. И. Беляева, С. Карими, В. М. Алпатова, В. И. Подлесской, Е. В. Рудницкой, П. В. Гращенкова, Ж. Корнфилт); для северокавказских языков такая задача только начинается

ставиться в работах Я. Г. Тестельца, Н. Р. Сумбатовой, Ю. А. Ландера, П. М. Аркадьева.

Теоретическое моделирование синтаксиса падежа — категории, определяющей дистрибуцию именной группы во внешнем синтаксическом контексте — также в последние годы является областью активных дебатов. Два основных формальных подхода к анализу падежного маркирования — приписывание падежа лексическими и функциональными вершинами и конфигурационное приписывание падежа — последовательно применяются к материалу разноструктурных языков, прорабатываются и уточняются: см., например, работы Э. Олдридж, М. Бейкера, Дж. Бобальика, М. Батт, Э. Кун, О. Премингера, Дж. Легат, О. Матушанской, Д. Песецкого, М. Полинской, Х. Сигурдссона, Э. Вулфорд. Однако, несмотря на большой интерес и значительное количество исследований, многие аспекты синтаксиса падежа — в частности, соотношение морфологического и синтаксического падежа, связь падежа и согласования, проблема обязательности падежа и его статуса как лицензора именной группы, причины падежного варьирования и механизмы его реализации — продолжают оставаться неясными и дискуссионными на сегодняшний день.

Современное состояние разработок

Степень разработанности указанной проблематики определяется двумя факторами. Во-первых, вопросы, которые предполагается обсудить в диссертационном исследовании, возникли достаточно недавно, в связи с накопленной лингвистической типологией совокупностью знаний о возможных компонентах именной группы, их строении и интерпретации, о дистрибуции именных групп и соотношении этой дистрибуции с их структурой и падежным оформлением и в связи с попытками синтаксической теории дать объяснение как межъязыковому варьированию в этой области, так и наблюдаемым закономерностям, регулярно воспроизводящимся от языка к языку. Во-вторых, разработки последних лет показывают, что для адекватной интерпретации представленной в грамматических описаниях информации в данной проблемной области необходимы дополнительные исследования, уточняющие возможность того или иного теоретического анализа фактов.

Исходя из этих особенностей современного состояния исследований нам представляется, что на данном этапе изучения синтаксиса именной группы необходима углубленная разработка проблемной области на материале нескольких языков, представляющих по возможности различные языковые группы, но при этом объединенные общим значением параметра, считающегося для данной проблемной области высокорелевантным. Таким образом, мы сосредоточимся на внутреннем и внешнем синтаксисе именных групп в нескольких безартиклевых языках.

Цели и задачи исследования

Цель диссертационного исследования — изучить внутреннюю структуру и падежный синтаксис именных групп в безартиклевых языках и показать, что синтаксическое устройство и поведение именной группы универсально и не предопределяется таким параметром, как наличие либо отсутствие артикля в лексиконе языка.

Для достижения этой цели в диссертации ставятся и последовательно решаются следующие конкретные задачи:

1) изучить представленные в литературе аргументы в пользу существования функциональной проекции определителя (DP) в артиклевых языках, обобщить и классифицировать их;

2) изучить представленные в предшествующих работах аргументы за и против постулирования DP в безартиклевых языках, оценить силу этих аргументов и возможные контраргументы;

3) исследовать два типа аргументов в пользу DP-структуры — барьерные и дистрибутивные — на материале русского и осетинского языков;

4) рассмотреть свидетельства о структуре именной группы, которые связаны с синтаксическими свойствами посессоров разных категориальных статусов в различных структурных позициях, в татарском и русском языке;

5) изучить признаковые, линейные и семантические характеристики различных неклаузальных компонентов именной группы в зависимости от их структурной позиции в составе именной группы в русском языке;

6) исследовать структуру относительных предложений, их деривационную историю, позицию в именной группе и соотношение с различными определителями;

7) в свете положения о падеже как лицензоре именной группы, определяющей ее дистрибуцию, изучить, сопоставить и критически проанализировать современные формальные падежные теории;

8) выявить связь падежа, категориального статуса и дистрибуции именной группы на материале цахурского, татарского и русского языка.

Научная новизна исследования

В диссертационном исследовании проблема универсальности структуры именной группы впервые исследуется монографически на материале нескольких разноструктурных безартиклевых языков. Материал татарского, осетинского и цахурского языка, а также ряда других языков впервые привлекается для аргументации тезиса об иерархической организации именной группы.

Предлагаются новые аргументы в пользу DP-гипотезы на материале русских конструкций с событийными существительными, осетинских сложных именных групп, татарских именных групп с изафетными конструкциями разных типов, русских конструкций с рассогласованием по числу и роду, инвертированных конструкций разных типов, цахурских именных групп, содержащих атрибутивные зависимые, и др.

В диссертационном сочинении впервые проводится сравнительная оценка традиционной генеративной теории падежа и конфигурационной теории падежа в отношении их объяснительного потенциала в анализе явления дифференцированного маркирования аргументов.

Кроме того, диссертация содержит целый ряд конкретно-языковых исследований по синтаксису именной группы конкретных языков: анализ структуры русских именных конструкций с аргументным и количественным генитивом, изучение структурных типов и дистрибуции сентенциальных актантов в осетинском языке, применение одного из вариантов теории «накладывающихся падежей» к материалу цахурского языка, разграничение именных конструкций полной и неполной структуры при анализе явления дифференцированного падежного маркирования в татарском языке.

Теоретическая и практическая значимость работы

В теоретическом плане диссертационное исследование вносит значимый вклад в понимание структуры именных составляющих в естественном языке, обобщает и классифицирует возможные конкретно-языковые диагностики функциональной структуры именной группы, вскрывает взаимосвязь между внутренним и внешним синтаксисом именных групп, опирающуюся на соотношение падежного признака, категориального статуса и интерпретации именной группы.

Аргументируя единый подход к устройству семантико-синтаксического интерфейса, синтаксической репрезентации семантических типов, способам синтаксического насыщения аргументных позиций в артиклевых и безартиклевых языках, диссертационное сочинение в конечном итоге обосновывает гипотезу о микро-, а не макропараметрическом варьировании в области синтаксиса именных конструкций.

Практическая значимость работы определяется введением в научный оборот новых языковых данных ряда языков. Эти данные, равно как содержательные обобщения и теоретические выводы, полученные в диссертационном исследовании, могут быть использованы при создании грамматических описаний конкретных языков, разработке учебных пособий, а также в высшей школе, в преподавании таких дисциплин, как общий синтаксис, синтаксис русского языка, тюркских и иранских языков, лингвистическая типология. Материалы исследования нашли отражение в следующих курсах автора: «Общий синтаксис» (бакалавриат МГУ имени М. В. Ломоносова, магистратура МПГУ), «Современный русский язык. Синтаксис» (бакалавриат МГУ имени М. В. Ломоносова), «Формальные подходы к синтаксису и семантике русского языка» (бакалавриат МГУ имени М. В. Ломоносова), «Теоретический синтаксис» (магистратура МГУ имени М. В. Ломоносова), «Формальные модели естественного языка» (магистратура МПГУ).

Методология, материал и методы исследования

Работа выполнена в русле набирающего в последние годы популярность подхода, получившего название «Формальная генеративная типология» (Formal

Generative Typology¹), сочетающего формально-теоретический взгляд на язык с типологической перспективой. Использование формального моделирования при сопоставительном изучении языковых данных генетически несвязанных разноструктурных языков позволяет достичь адекватного уровня глубины проработки материала и межъязыковой валидности достигаемых обобщений, что в конечном итоге способствует существенному приращению наших знаний о языковых универсалиях и моделях межъязыкового варьирования.

Выбор источников материала в диссертационном исследовании определяется соображением максимальной экологической валидности среди доступных данных. Так, для русского языка активно привлекались данные Национального Корпуса Русского Языка (www.ruscorpora.ru) и Русского корпуса университета г. Лидс (<http://corpus.leeds.ac.uk/ruscorpora.html>), использовались языковые данные, полученные при поиске в русском сегменте сети Интернет (поиск в Яндекс и Google); проводились также экспериментальные исследования с участием носителей языка. Материалы по татарскому литературному языку получены из двух корпусов — Татарского Национального Корпуса «Туган тел» (<http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/>) и Письменного корпуса современного татарского языка (<http://corpus2.tatfolk.ru/>) и проверены с носителями татарского литературного языка. Данные по мишарскому диалекту татарского языка были получены полевым методом в ходе лингвистических экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 1999, 2011 и 2012 годах. Осетинские данные частично опираются на Осетинский Национальный корпус (http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru), а частично были получены полевым методом в ходе лингвистических экспедиций отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 2007-2010 годах. Наконец, данные по балкарскому, цахурскому, багвалинскому языкам были получены полевыми методами. Прочие лингвистические данные получены из грамматик, описательных и теоретических работ.

¹ Baker M. Formal generative typology // The Oxford handbook of linguistic analysis / ed. by B. Heine and H. Narrog. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 285–312.

При анализе материала для получения обобщений использовались корпусные и статистические методы; полученные обобщения подвергались формальному моделированию в теоретических рамках генеративной грамматики.

Положения, выносимые на защиту

На защиту выносятся следующие положения.

1. В безартиклевых языках, несмотря на слабость аргументов в пользу приписывания конкретным единицам лексикона категории определителя (D), имеют место многие грамматические феномены, которые в артиклевых языках связаны с проекцией DP.

2. В русском и осетинском языках имеются свидетельства в пользу анализа проекции DP как создающей барьер для передвижения составляющих. Русские событийные существительные и осетинские актантные предложения образуют как минимум два вида структурных конфигураций: минимальная структура, допускающая извлечение вопросительных элементов и признаковое взаимодействие материала внутри и снаружи данной составляющей, и расширенная структура, которая проявляет свойства синтаксического острова; последний вид структуры связан с присутствием тех элементов, которые относят к проекции D в артиклевых языках.

3. Связь по меньшей мере части посессоров с категорией D выявляется на основе позиционных и дистрибутивных критериев как в артиклевых, так и в безартиклевых языках. Критически важными для постулирования функциональной проекции, содержащей посессор, являются следующие свойства посессивных конструкций: сосуществование в одном языке двух типов посессоров, проявляющих синтаксические и интерпретационные различия; отличия самих посессоров по категориальному статусу, что выражается в их способности либо неспособности проецировать определенные типы зависимых; параллелизм между структурой регулярной номинализации, поддерживающей аргументную структуру и обладающей событийной интерпретацией, и структурой именной группы на базе предметного существительного, при котором подлежащее номинализации демонстрирует такое же оформление, что и посессор именной группы.

4. Признаковые характеристики именных составляющих, выявляемые при атрибутивном и предикативном согласовании, могут быть использованы в качестве

свидетельства в пользу расширенной именной проекции. Анализ, опирающийся на гипотезу об иерархически организованной структуре именной группы, позволяет объяснить случаи дефолтного согласования и рассогласования в именной группе, а также эффективно решает проблему асимметрии атрибутивного и предикативного согласования.

5. Базовый порядок следования составляющих в линейной структуре именной группы отражает основной «каркас» расширенной именной проекции, задаваемый последовательностью функциональных вершин, отвечающих за лексическую, количественную и референциальную семантику именной группы. Отклонения от этого базового порядка, связанные с расположением именной вершины левее исходной позиции, демонстрируют свойства синтаксического передвижения.

6. Иерархическая структура именной группы, предполагающая вложение группы лексического существительного в функциональные оболочки и, в частности, в группу определителя DP, в равной степени мотивирована на материале относительных конструкций как для артиклевых, так и для безартиклевых языков. В обоих случаях для лексических компонентов именной группы наблюдаются так называемые эффекты связности, свидетельствующие о том, что единицы расширенной проекции именной группы, в частности, группы лексического существительного (NP) и группы определителя (DP), не образуют составляющей на начальном этапе деривации.

7. Синтаксическая позиция относительной клаузы в иерархически организованной структуре именной группы предопределяет тип ее семантической интеграции в именную конструкцию. Так, аппозитивная интерпретация совместима только с определенными позициями относительной клаузы в структуре именной группы — antecedenta и главного предложения: аппозитивная клауза присоединяется строго выше уровня определителей и квантификаторов, т.е. DP, вследствие чего не участвует в создании экстенционала определяемой именной группы.

8. Синтаксический падеж, будучи важнейшим грамматическим средством, выражающим связь именной группы с внешним синтаксическим контекстом и выступающий лицензором именной группы, характеризует только именные группы полной структуры, так что именные группы малой структуры могут оставаться

беспадежными. Подобное различие создает основу для синтаксической и интерпретационной специфики беспадежных именных групп, а также падежного варьирования определенного типа, широко распространенного в языках мира.

Степень достоверности и апробация результатов

Основные положения и результаты диссертационного исследования были изложены на международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог», Москва, РГГУ (2016, 2015), международной конференции «Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии», Москва, Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН (2016), международной конференции «Формальные подходы к славянским языкам», США, Корнелльский университет (2016), международной конференции «Стратегии релятивизации в центрально-европейской перспективе», Швейцария, Цюрихский университет (2016), международной конференции «Валентности и изменение валентности в языках Кавказа», Москва, НИУ ВШЭ, Рабочем совещании, посвященном дифференцированному маркированию актантов, Москва, Институт языкознания РАН (2016), конференции Института лингвистики РГГУ (СКИЛ), Москва, РГГУ, приглашенный доклад (2016), международном семинаре «Пересекая границы: вызовы лингвистической теории», Финляндия, университет Тампере (2015), международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров», Москва, МПГУ и Институт языкознания РАН (2015, 2014, 2012, 2011), 3-й международной конференции по обработке тюркских языков «TurkLang 2015», Казань, КФУи АН РТ (2015), 41-й конференции по генеративной грамматике, Италия, Перуджийский университет (2015), международной конференции по формальным подходам к алтайским языкам (WAFL), США (2014, 2013), IV международной конференции «Культура русской речи» (Готовские чтения), Москва, Институт русского языка РАН (2014), международной конференции по дифференцированному маркированию объекта, Норвегия, университет Тромсе (2013), 39-й конференции лингвистического общества Беркли, США, университет Беркли (2013), 3-м венском симпозиуме по порядку аффиксов, Австрия, Венский университет (2011), 33-й ежегодной конференции Лингвистического общества Германии (DGfS), ФРГ, университет г. Геттинген (2011), 2-й международной конференции «Типы концептов и фреймы», ФРГ,

Дюссельдорфский университет (2009), международном симпозиуме «Системы языков 44-го меридиана», ФРГ, Дюссельдорфский университет (2009), международном симпозиуме «Финитность и нефинитность», Эстония, Институт эстонского языка (2009), международной конференции по иранистике, Франция, университет Париж-3 (2009).

Структура исследования

Диссертация состоит из Введения, семи Глав, составляющих две Части, Заключения, Списка условных обозначений и сокращений, Списка языков, Списка иллюстративных материалов (рисунков, схем и таблиц) и Списка литературы.

Часть I «Структура именной группы» посвящена внутренней структуре именных групп безартиклевых языков. Она включает 4 главы: Главу 1 «Группа определителя и иерархическая структура именной группы», Главу 2 «Посессоры в иерархической структуре именной группы», Главу 3 «Признаковая и линейная структура именной группы», Главу 4 «Относительные клаузы в структуре именной группы».

Часть II «Дистрибуция именных групп и синтаксис падежа» исследует дистрибутивные характеристики именных групп, моделируемые при помощи представления о синтаксическом падеже как лицензоре именных групп. Она содержит 3 главы: Главу 5 «Падеж как синтаксическая категория именной группы», Главу 6 «Морфологический падеж» и Главу 7 «Падежное варьирование».

СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение аргументирует выбор темы диссертационного исследования, поясняет методологические основы и научные предпосылки работы, а также содержит формальные квалификационные характеристики диссертации.

В Части I, включающей Главы 1–4, исследуется внутренняя структура именных групп безартиклевых языков.

В **Главе 1** вводится анализ именных групп артиклевых языков как групп функциональной категории D(eterminer), включающих, помимо артикля, другие составляющие, связанные с выражением референциальной семантики, такие как указательные и притяжательные местоимения, кванторы, фразовые посессоры.

Теоретически ориентированная диссертация С. Эбни², а также более ранние работы А. Саболичи³, посвященные структуре именной группы венгерского языка, впервые провозглашают «гипотезу о DP» (the DP-hypothesis) — предположение, что именные группы артиклевых языков представляют из себя структуры бóльшие, чем группа лексического существительного NP, а именно, что группа лексического существительного вложена в функциональную оболочку, отвечающую за референциальные свойства именной группы:

- (1) a. [DP [D the] [NP dog]]
 ‘(эта) собака’
 b. [DP [DP the king of England] [D –’s] [NP dog]]
 ‘собака короля Англии’⁴

DP-гипотеза явилась первым шагом на пути реорганизации представлений об устройстве синтаксической структуры групп, подразумевающей декомпозицию традиционных категорий, характеризуемых некоторыми признаками, на собственно лексические категории и функциональные оболочки, отвечающие за семантические и грамматические признаки (например, число, род / класс, одушевленность, референтность, падеж и т.п.). Тем самым различные лексические

² Abney S. The English noun phrase in its sentential aspect. Ph. D. dissertation. MIT, Cambridge (Mass.), 1987.

³ Szabolcsi A. The possessor that ran away from home // *The Linguistic Review*. 1983. Vol. 3. P. 89–102; Szabolcsi A. Functional categories in the noun phrase // *Approaches to Hungarian* / ed. by I. Kenesei. Vol. II. The Structure of Hungarian. Szeged: Research Institute for Linguistics of the Hungarian Academy of Sciences, 1987. P. 167–190; Szabolcsi A. The noun phrase // *Syntax and semantics*. Vol. 27 / ed. by F. Kiefer and K. Kiss. San Diego: Academic Press, 1994. P. 179–274.

⁴ В тексте автореферата используются следующие условные обозначения и сокращения: 1 — 1-е лицо / 1-й класс; 3 — 3-е лицо; AA — одушевленный атрибутив; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; AD — локализация ‘ad’; ADV — адвербиальный падеж; ALL — аллатив; AOBL — косвенный атрибутив; AOR — аорист; AUX — вспомогательный глагол; C — комплементаризер; CL — клитика; COMIT — комитатив; CONV — конверб; CP — группа комплементаризера; D — определитель; DAT — датив; DP — группа определителя; EMPH — эмфатическая частица; ERG — эргатив; GEN — генитив; IN — локализация ‘in’; INF — инфинитив; IO — не прямое дополнение; LAT — латив; LK — линкер; LOC — локатив; M — мужской род / класс; N — существительное; NEG — отрицание; NMN — номинализация; NOM — номинатив; NP — группа существительного; Num — число; NumP — группа числа; OBL — обликвус / косвенная основа; P — предлог / послелог; PART — причастие; PASS — пассив; PF — перфектив; PL — мн. число; PP — страдательное причастие; PRS — презенс; PST — прошедшее время; RC — относительная клауза; REL — релятивизатор; SG — ед. число; t_i — след от передвижения составляющей с индексом i; T / Infl — предикативная вершина; TP / InflP — группа предикативной вершины; V — глагол; VP — глагольная группа; ∀ — квантор всеобщности; ∃ — квантор существования; * — пример неграмматичен; ? — пример сомнителен; ?* — пример на грани грамматичности; # — пример семантически неадекватен; [НКРЯ] — пример получен при поиске в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru); [Я] — пример получен при поиске в Яндекс (www.yandex.ru).

категории получают анализ, до того момента принятый лишь в отношении глагола, при котором предикативные категории отделяются от VP и создают собственную функциональную проекцию (I(nfl)P / TP). Глагол перестает быть уникальной лексической категорией, грамматические признаки которой суть формальные признаки более крупной синтаксической категории — клаузы.

Имеется много аргументов в пользу иерархической структуры именной группы в артиклевых языках, включающей как минимум два уровня — уровень лексического значения и его модификаций (NP) и уровень референциальных характеристик именной группы (DP). Функциональная категория D выявляется на основании всех типов критериев: семантических, морфологических и синтаксических. DP и NP имеют несовпадающую дистрибуцию. Наиболее сильная гипотеза, ограничивающая дистрибуцию NP, состоит в том, что только DP может занимать аргументные позиции⁵. Это ограничение опирается на постулируемую связь между насыщением аргументной позиции / семантической роли и наличием у составляющей референциального индекса. Наличие проекции DP используется для объяснения многих синтаксических феноменов: непроницаемости именной группы для извлечения левых зависимых и адъюнктов, приписывания генитива посессору, структурного параллелизма посессивных конструкций и номинализаций и др. Возможность использовать проекцию D как «посадочную площадку» для передвижения групп и вершин оказалась чрезвычайно привлекательной для синтаксиса артиклевых языков; в частности, функциональная проекция над группой существительного позволила анализировать такие феномены, как постпозитивные артикли северогерманских языков (2), степенная инверсия, помещающая группу прилагательного левее артикля, в английском языке (3), невозможность препозиции некоторых прилагательных в отсутствие артикля в итальянском языке (4).

- (2) a. hans bøker om syntaks
 его книги о синтаксис
 ‘его книги о синтаксисе’

⁵ Longobardi G. Reference and proper names: A theory of N-movement in syntax and Logical Form // Linguistic Inquiry. 1994. Vol. 25. No. 4. P. 609–665.

- b. bøke_i-ne hans t_i om syntaks
 книги-D его о синтаксис
 ‘(эти) его книги о синтаксисе’⁶

- (3) a. The Seventh Seal is a very serious movie.
 ‘«Седьмая печать» — очень серьезный фильм.’
 b. *The Seventh Seal is a too serious movie.
 c. The Seventh Seal is [too serious]_i (of) a t_i movie.
 ‘«Седьмая печать» — слишком серьезный фильм.’⁷
- (4) a. [DP L’ [NP antica Roma]] fu la città più importante del Mediterraneo.
 ‘Древний Рим был самым важным городом Средиземноморья.’
 b. *[DP Ø [NP Antica Roma]] fu la città più importante del Mediterraneo.
 c. [DP Roma_i [NP antica t_i]] fu la città più importante del Mediterraneo.
 ‘Древний Рим был самым важным городом Средиземноморья.’⁸

В безартиклевых языках аргументы в пользу приписывания конкретным единицам лексикона категории D достаточно слабы. По-видимому, лексические единицы, которые могли бы ассоциироваться только с вершиной D, в безартиклевых языках отсутствуют. Этот факт лег в основу гипотезы о принципиально различном устройстве именных групп артиклевых и безартиклевых языков, выдвинутой в работах Ж. Бошковича⁹, Л. Златич¹⁰, Д. Тренкич¹¹ и др. Соответственно, лексические единицы, кодирующие определенность,

⁶ Taraldsen T. D-projections and N-projections in Norwegian // Grammar in progress: GLOW essays for Henk van Riemsdijk / ed. by I. Mascaró and M. Nespore. Dordrecht: Foris, 1990. P. 419–431.

⁷ Troseth E. Degree inversion and negative intensifier inversion in the English DP // The Linguistic Review. 2009. Vol. 26. No. 1. P. 37–65.

⁸ Longobardi G. Reference and proper names: A theory of N-movement in syntax and Logical Form // Linguistic Inquiry. 1994. Vol. 25. No. 4. P. 609–665.

⁹ Bošković Ž. On the locality of left branch extraction and the Structure of NP // Studia Linguistica. 2005. Vol. 59. No. 1. P. 1–45; Bošković Ž. What will you have, DP or NP? // Proceedings of the 37th Annual meeting of the North East linguistic society / ed. by E. Elfner and M. Walkow. Amherst (MA): GLSA, 2008. P. 101–114; Bošković Ž. More on the no-DP analysis of article-less languages // Studia Linguistica. 2009. Vol. 63. No. 2. P. 187–203; Bošković Ž. The NP/DP analysis and Slovenian // Proceeding of the University of Novi Sad Workshop on Generative Syntax 1. Novi Sad [Serbia]: Filozofski fakultet, University of Novi Sad, 2009. P. 53–73; Bošković Ž., Gajewski J. Semantic correlates of the NP/DP parameter // Proceedings of NELS 39 / ed. by Suzi Lima, Kevin Mullin, and Brian Smith. Ithaca: CSIPP, 2011; Bošković Ž., Şener S. The Turkish NP // Crosslinguistic studies on Noun Phrase structure and reference / ed. by P. Cabredo Hofherr and A. Zribi-Hertz. Leiden: Brill, 2014. P. 102–140.

¹⁰ Zlatić L. The structure of the Serbian noun phrase. Ph.D. dissertation, University of Texas at Austin, 1997.

¹¹ Trenkic D. Definiteness in Serbian/Croatian/Bosnian and some implications for the general structure of the nominal phrase // Lingua. 2004. Vol. 114. P. 1401–1427.

референтность и т.п., в безартиклевых языках располагаются в проекции лексического существительного (NP), и референциальная семантика оказывается лишена синтаксической репрезентации в виде специальной функциональной проекции.

Однако, как убедительно показано в работах С. Фрэнкса¹², Х. Тругман¹³, Н. В. Исакадзе¹⁴, Г. Раппапорта¹⁵ и в особенности А. Перельцвайг¹⁶, многие грамматические феномены, которые в артиклевых языках связаны с проекцией DP, имеют место и в безартиклевых языках, так что следует либо признать наличие функциональной проекции над NP в безартиклевых языках, либо пересмотреть объяснение соответствующих феноменов для артиклевых языков. В рамках раздела 1.1 такого рода феномены обобщаются и классифицируются. Аргументы сторонников универсальности DP можно разделить на три больших класса: позиционные, дистрибутивные и «барьерные».

Позиционные аргументы сводятся к тому, что некоторые элементы именной группы должны располагаться (исходно либо в результате передвижения) в определенной структурной позиции, которая оказывается строго выше уровня прилагательных и числительных. Дистрибутивные аргументы опираются на грамматические отличия DP и именных групп неполной структуры. Во-первых, можно показать, что DP и именные группы меньшей структуры имеют разную

¹² Franks S. *Parameters of Slavic morphosyntax*. New York: Oxford University Press, 1995.

¹³ Trugman H. *Syntax of Russian DPs, and DP–internal agreement phenomena*. Ph.D. dissertation, Tel-Aviv University, 2005; Trugman H. Possessives within and beyond NPs // *Annual Workshop on Formal Approaches to Slavic Linguistics* / ed. by R. Compton, M. Golezdzinowski, U. Savchenko. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 437–457; Trugman H. Move versus Merge: DP–internal modifiers // *Elements of Slavic and Germanic grammars: A comparative view* / ed. by J. Witkoś and G. Fanselow. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2008. P. 209–235.

¹⁴ Исакадзе Н. В. Отражение морфологии и референциальной семантики именной группы в формальном синтаксисе. Дис. ... канд. филол. наук. МГУ имени М.В. Ломоносова, 1999.

¹⁵ Rappaport G. The Slavic noun phrase in comparative perspective // *Comparative Slavic morphosyntax* / ed. by S. Harves and J. Lavine. Bloomington: Slavica Publishers, 2000. P. 1–25; Rappaport G. Numeral phrases in Russian: A minimalist approach // *Journal of Slavic Linguistics*. 2002. Vol. 10. No. 1. P. 327–340; Rappaport G. The syntax of possessors in the nominal phrase: Drawing the lines and deriving the forms // *Possessives and beyond: Semantics and syntax* / ed. by Ji-yung Kim, B. Partee and Yu. Lander. University of Massachusetts Occasional Papers (UMOP) 29. Amherst, MA: GLSA Publications, 2005. P. 243–261.

¹⁶ Pereltsvaig A. Small Nominals // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. Vol. 24. No. 2. P. 433–500; Pereltsvaig A. On the universality of DP: A view from Russian // *Studia Linguistica*. 2007. Vol. 61. No. 1. P. 59–94; Pereltsvaig A. Noun phrase structure in article-less Slavic languages: DP or not DP? // *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7. No. 3. P. 201–219.

дистрибуцию: имеются контексты, в которых возможен один структурный тип именных групп, но невозможен другой. К ним относятся, например, те контексты, где именная группа имеет предикатный референциальный статус, позиция генитива качества и некоторые другие. Во-вторых, можно предъявить именные группы предположительно разного категориального статуса в одной структурной позиции и продемонстрировать различия в их грамматических свойствах. В первую очередь речь идет о вызывающих и не вызывающих предикативное согласование количественных конструкциях в позиции подлежащего. Наконец, «барьерные» аргументы подразумевают, что граница DP непроницаема для синтаксических процессов, таких как передвижение, согласование, приписывание падежа, лицензирование отрицательно-полярных единиц, вертикальное связывание и т.д. Теоретическая имплементация этих ограничений не столь важна; важно, что в артиклевых языках ответственность за непроницаемость именной группы для внешних зондов приписывается именно барьерным функциям DP.

В разделах 1.2 и 1.3 Главы 1 предлагаются новые аргументы в пользу проекции DP в безартиклевых русском и осетинском языках. Эти аргументы относятся к типу барьерных. Обнаруживается, что русские событийные существительные и осетинские актантные предложения образуют как минимум два вида структурных конфигураций: минимальная структура, допускающая извлечение вопросительных элементов и признаковое взаимодействие материала внутри и снаружи данной составляющей, и расширенная структура, которая проявляет свойства синтаксического острова. При этом отличие между минимальной и расширенной структурой легко описывается в терминах функциональной проекции DP — именно те элементы, которые в артиклевых языках ассоциируются с проекцией DP, в русском и осетинском превращают синтаксически прозрачные конфигурации в островные.

Так, в русском языке мы рассмотрели именные группы, возглавляемые существительным с событийной семантикой и имеющие при себе актантный инфинитивный оборот. Обнаружилось, что в составе коллокаций с глаголами, выражающими при них лексическую функцию Oper¹⁷, они могут иметь статус именной группы неполной структуры (NP), в то время как в свободных сочетаниях

¹⁷ Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «СМЫСЛ ↔ ТЕКСТ». М.: Наука, 1974.

16

диагностик, таких как особенности словорасположения, сфера действия операторов и возможности связывания анафорических элементов, находящихся внутри синтаксического актанта, положение клитик второй позиции и возможность клитизации прономинального элемента. Их синтаксические характеристики позволяют предположить, что в смежной конструкции указательный элемент возглавляет собственную проекцию, в которую вложено придаточное предложение: $[_{DP} [_{CP} \dots] w_{ij}]$. В подобной структуре актантное предложение имеет дистрибуцию именной группы (DP) и выступает как единая составляющая, что диагностируется расположением клитик второй позиции:

- (8) a. $[_{CP} alan \quad kəj \quad ərbasid]$ $w_{ij}=\min$ $madinə \quad žaxta$.
 Алан что приходить.PST.3SG to=CL.1SG.DAT Мадина сказать.PST.3SG
 ‘Мадина сказала мне, что Алан пришел.’
- b. * $[_{CP} alan \quad kəj \quad ərbasid]$ w_{ij} $madinə=\min$ $žaxta$.
 Алан что приходить.PST.3SG to Мадина=CL.1SG.DAT сказать.PST.3SG
- c. * $[_{CP} alan \quad kəj \quad ərbasid]=\min$ w_{ij} $madinə \quad žaxta$.
 Алан что приходить.PST.3SG=CL.1SG.DAT to Мадина сказать.PST.3SG

Разрывные конструкции представляют собой коррелятивные структуры, где указательный элемент располагается в аргументной позиции и свободно перемещается в предложении, в то время как придаточное предложение выступает в качестве крайнего левого адъюнкта главного предложения и связано с указательным элементом анафорической связью. В таком случае расположенное на левой периферии актантное предложение невидимо для клитик второй позиции — по-видимому, оно образует так называемый слепой барьер¹⁸, который вынуждает клитическую цепочку сдвигаться на один шаг вправо (9a-b). Это говорит о том, что придаточное предложение в разрывной конструкции не находится в аргументной позиции в структуре главного предложения.

- (9) a. * $[_{CP} alan \quad kəj \quad ərbasid]=\min$
 Алан что приходить.PST.3SG=CL.1SG.DAT
 $madinə \quad žaxta \quad w_{ij}$.
 Мадина сказать.PST.3SG to
 ‘Мадина сказала мне, что Алан пришел.’

¹⁸ Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984–1989 / В. Л. Янин, А. А. Зализняк. М., 1993; Циммерлинг А. В. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 3–38.

b. [CP alan	kəj	ərbasid]	madinə=	min
Алан	что	приходить.PST.3SG	Мадина=CL.1SG.DAT	
žaxta		wij.		
сказать.PST.3SG	то			

‘Мадина сказала мне, что Алан пришел.’

Наконец, в конструкциях без указательного элемента актантное предложение представляет собой придаточное предложение в аргументной позиции. Конструкция без указательного элемента ограничена позициями «прямого» падежа, т.е. позициями подлежащего и прямого дополнения. В указанных контекстах она демонстрирует все характеристики смежных конструкций, кроме одной: в то время как смежная конструкция непроницаема для извлечения составляющих (10a), конструкция без указательного элемента допускает передвижение вопросительных и относительных составляющих в главную клаузу (10b).

- (10) a. * madinə kəj-mə_i žon_i [CP alan kəj azirdta t_i] wij?
Мадина кто-LAT знать.PRS.3SG Алан что поговорить.PST.3SG то

‘С кем Мадина знает, что Алан поговорил?’

- b. madinə kəj-mə_i žon_i [CP alan kəj azirdta t_i] ?
Мадина кто-LAT знать.PRS.3SG Алан что поговорить.PST.3SG

‘С кем Мадина знает, что Алан поговорил?’

Итак, в осетинском языке свойства конструкций с сентенциальными актантами в конечном итоге определяются двумя основными дихотомиями. Первая дихотомия связана с противопоставлением собственно актантных предложений, т.е. предложений, заполняющих аргументную позицию предиката главной клаузы, и использованием коррелятивной стратегии, при которой ситуационная валентность предиката главной клаузы синтаксически выражается при помощи адъюнгированной клаузы, связанной анафорическим отношением с коррелятом — прономинальным элементом в аргументной позиции. На классе собственно актантных предложений определена вторая дихотомия — оппозиция вложенных и не вложенных в функциональную оболочку DP зависимых клауз. Для целей данной работы особенно важна последняя оппозиция, поскольку именно в ее рамках возможно выявить свойства составляющих, коррелирующие с наличием vs. отсутствием проекции DP.

Одно из таких свойств — это связь проекции DP и падежной проблематики. Осетинские данные показывают, что наличие DP превращает неименную составляющую в группу, способную к реализации падежа и тем самым предопределяет дистрибуцию этой составляющей как по сути совпадающую с дистрибуцией именных групп полной структуры. Другое свойство, характеризующее DP — это ее способность превращать проницаемые для синтаксических процессов структуры в непрозрачные. В осетинском языке «барьерные» функции оболочки DP реализуются в смежной конструкции с прономинальным элементом. Важно, что такие свойства проекция DP проявляет как в сочетании с именными, так и в сочетании с неименными (в частности, сентенциальными) компонентами. Таким образом, оказывается возможным выявить собственные синтаксические свойства DP, не зависящие от категории вложенной в нее составляющей. Этот результат представляется существенным аргументом в пользу наличия отдельной функциональной проекции DP, в том числе и в безартиклевых языках.

В **Главе 2** вводятся в рассмотрение факты, связанные с синтаксическими свойствами посессоров. Фразовые посессоры имеют особый статус среди компонентов именной группы, сопоставимый со статусом подлежащего в клаузе. В частности, они обладают структурным приоритетом над остальными составляющими именной группы, получают тематически независимый падеж и контролируют посессивное согласование в пределах именной группы.

В артиклевых языках связь посессоров с категорией D выявляется на основе позиционных и дистрибутивных критериев. Фразовые посессоры и притяжательные элементы могут быть дополнительно распределены с артиклями и указательными местоимениями (как в английском и французском языках) либо притягиваться в проекцию артикля (как в венгерском языке). Существенным аргументом в пользу расположения посессора вне группы лексического существительного, в функциональной оболочке именной группы является общность структурной позиции и падежных характеристик посессора (или аргумента) предметных существительных и подлежащего номинализаций: поскольку аргумент номинализации проецируется и получает семантическую роль внутри вложенной глагольной, а не именной составляющей, его «именное»

оформление не может быть связано с лексическим существительным, но должно определяться функциональными проекциями, общими для именных групп на базе предметных существительных и номинализаций.

Обнаруживается, что та же линия рассуждений может быть проведена и для безартиклевых языков. Хотя в них посессоры также не образуют единого синтаксического класса, само существование различий между ними говорит в пользу гипотезы об иерархической структуре, лежащей в основе именной группы в языках разного строя.

Весьма показательны в этом отношении посессивные конструкции татарского языка, рассмотренные в разделе 2.2. Во-первых, в татарском языке представлено два типа посессоров, генитивный и немаркированный (образующие так называемые тюркские изафетные конструкции 3 и 2 соответственно), проявляющие синтаксические и интерпретационные различия (11a-b).

- (11) a. бала-лар-ның китаб-ы
 ребенок-PL-GEN книга-3
 ‘книга (конкретных) детей’
- b. бала-лар китаб-ы
 ребенок-PL книга-3
 ‘книга детей, детская книга’

Два посессора могут быть одновременно представлены в одной именной группе (12) и занимают различные позиции по отношению к другим зависимым в именной группе (13):

- (12) әдип-ләр-нең бала-лар күңел-е
 писатель-PL-GEN ребенок-PL душа-3
 ‘детская душа писателей’ (<http://corpus.tatar/>)
- (13) a. автор-ның [_{RC} бала-лар өчен яз-ыл-ган] шигырь-ләр-е
 автор-GEN ребенок-PL для писать-PASS-PART стихотворение-PL-3
 ‘стихотворения автора, написанные для детей’ (<http://corpus.tatar/>)
- b. [_{RC} бу автор яз-ган] бала-лар шигырь-ләр-е
 этот автор писать-PART ребенок-PL стихотворение-PL-3
 ‘детские стихотворения, написанные этим автором’

Во-вторых, сами посессоры различаются между собой по категориальному статусу, так что генитивный посессор может иметь любые типы зависимых, в то

время как проецирование полной структуры для именных групп в позиции немаркированного посессора ограничено (14).

- (14) а. [[укучы-ның] дэфтәр-ләр-е-нең] папка-сы]
 ученик-GEN тетрадь-PL-3-GEN папка-3
 ‘папка (для) тетрадей ученика’
- б. * [[укучы-ның] дэфтәр-ләр-е] папка-сы]
 ученик-GEN тетрадь-PL-3 папка-3
 ‘папка (для) тетрадей ученика’

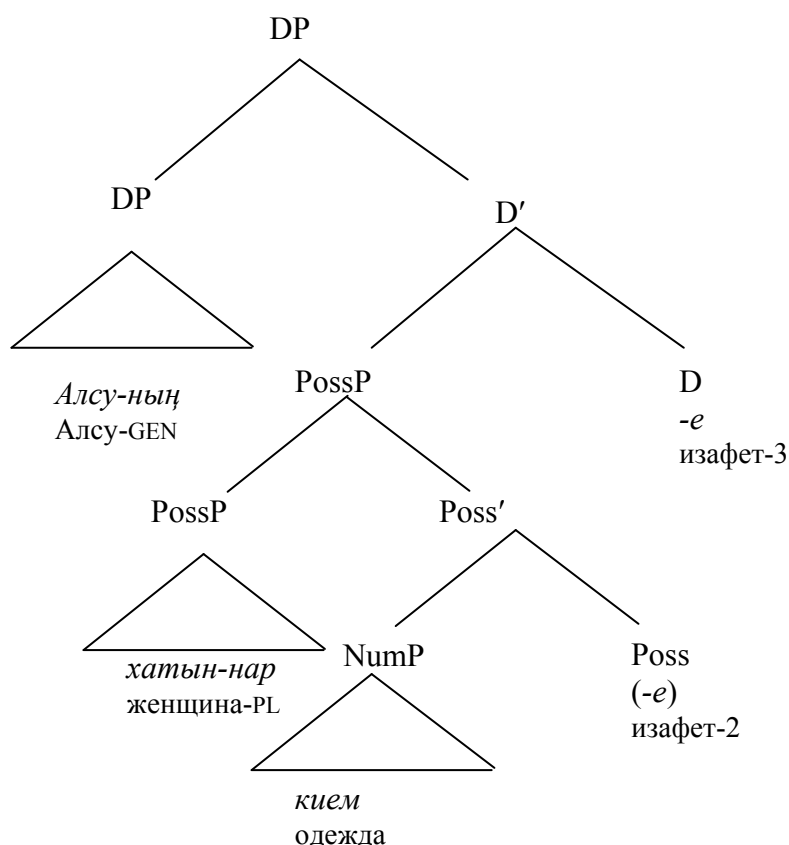
В-третьих, обращаясь к материалу номинализаций, мы видим, что подлежащее номинализации на $-у / -ү$ оформляется как генитивный посессор изафетной конструкции 3, в то время как использование в номинализации изафетной конструкции 2 невозможно:

- (15) а. Мин [бала-лар-ның кичә кил-ү-е-н] бел-ә-м.
 я ребенок-PL-GEN вчера приходить-NMN-3-ACC знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что пришли дети.’
- б. * Мин [бала-лар кичә кил-ү-е-н] бел-ә-м.
 я ребенок-PL вчера приходить-NMN-3-ACC знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что пришли дети.’

Та же логика, которая приводит С. Эбни и А. Сабольчи к выводу о связи посессора с проекцией DP в артиклевом языке, приводит нас к выводу о структурном параллелизме безартиклевого татарского и артиклевого английского языков: генитивный посессор располагается не в проекции лексического существительного, а в функциональной проекции, способной включать в качестве составляющей как группу лексического существительного, так и предикативную составляющую. Таким образом, для татарской именной группы (15а), содержащей два типа посессоров, предлагается структура (15б).

- (15) а. Алсу-ның хатын-нар кием-е
 Алсу-GEN женщина-PL одежда-3
 ‘женская одежда Алсу’

b.

Материал русского языка, рассмотренный в разделе 2.3, на первый взгляд также укладывается в это аналитическое построение: поскольку русские номинализации и предметные именные группы отличаются по количеству лицензируемых ими генитивных аргументов (ср. (15a-b)), привлекательной кажется гипотеза о взаимосвязи структурного генитива и проекции D.

(15) а. коллекция старинных монет профессора Смирнова

б. коллекционирование старинных монет *профессора Смирнова / профессором Смирновым

Если функциональная оболочка — это то общее, что есть у обычной именной группы и номинализации, то отличия между данными единицами должны сводиться к отличию лексических категорий: N и V, соответственно.

Тем не менее, наше исследование не установило связи лицензирования аргументного генитива с проекцией DP. Напротив, в тех контекстах, где предположительно представлены именные группы малой структуры (количественные группы, не контролирующие предикативное согласование, именные группы с предикатным денотативным статусом и т.п.), лицензирование аргументного генитива не страдает, ср. (16).

(16) а. Сохранилось почти двести писем Антона к Александру. [НКРЯ]

б. Я не считаю такой поступок помощью друга.

Таким образом, тезис о падежной связи посессора с функциональной проекцией D не имеет универсального характера, однако этот параметр ортогонален разбиению языков на артиклевые и безартиклевые. Материал русского языка, тем не менее, также может рассматриваться как свидетельствующий в пользу иерархической организации именной группы, поскольку деривация линейных позиций аргументов с различными падежными характеристиками требует достаточно сложной системы функциональных проекций, доминирующих над группой лексического существительного.

Иерархическое вложение, в отличие от «плоской» модели организации именной составляющей, предполагает, что внутри именной группы может быть обнаружено несколько уровней, различающихся по своим свойствам. Такими свойствами могут быть как признаковые характеристики именных составляющих (например, род или число), так и связанная с некоторым фиксированным уровнем интерпретация определенных лексических единиц (например, указательных местоимений). В **Главе 3** мы обращаемся к признаковым и линейным характеристикам именных проекций и исследуем их в свете гипотезы об иерархии функциональных проекций, доминирующих над группой лексического существительного.

В рамках Главы 3 уточняется перечень и расположение вершин, проецирующих функциональные оболочки группы лексического существительного. В первую очередь эти уточнения касаются функциональных проекций, ответственных за количественные характеристики именной составляющей. В разделе 3.1 приводятся аргументы в пользу синтаксической репрезентации категории числа, а наличие синтаксической вершины Num связывается с интерпретируемым признаком числа именной группы. Основанием для этого утверждения служат факты числовой нейтральности, отмечаемые для именных составляющих малой структуры в разноструктурных языках, ср. примеры (17a-c) из армянского, норвежского и татарского языков.

- (17) a. Ara-n **girkh** a aŕ-el.
 Ara-NOM книга AUX.PRS.3SG. покупать-PF
 ‘Ара купил книгу / книги.’¹⁹
- b. Per har hatt **hund** i ti år.
 Пер AUX.PRS AUX.PP собака в десять год
 ‘У Пера была собака / были собаки в течение десяти лет.’²⁰
- c. Алсу **кызыл** **алма** ашый.
 Алсу красный яблоко есть.PRS
 ‘Алсу ест красное яблоко / красные яблоки.’

Признаковые характеристики именной группы, выявляемые при атрибутивном и предикативном согласовании, также могут быть использованы в качестве аргумента в пользу иерархической организации расширенной именной проекции. Анализ, опирающийся на гипотезу об иерархически организованной структуре именной группы, позволяет объяснить случаи дефолтного согласования (18) и рассогласования (19) в именной группе, а также эффективно решает проблему асимметрии атрибутивного и предикативного согласования.

(18) a. **Три года прошли** (/ **прошло**), как Феклуша тут же из-за свадебного стола уехала с мужем в Москву... [НКРЯ]

b. ...и **эти три года** так же **прошли** (/ ***прошло**), как и тринадцать, как и тридцать лет, предшествовавшие им. [НКРЯ].

(19) a. Я лет пять назад читала Космополитан, потом **пришла неумелая** (/ **неумелый**) редактор... [Я]

b. Мне абсолютно **неграмотная врач сделала** (/ ***сделал**) узи, не увидела вообще ничего... [Я]

Эта асимметрия оказывается естественным следствием иерархического устройства именной группы, так что именные проекции разных уровней могут характеризоваться различными наборами признаков, однако в пределах одного уровня признаки унифицированы. Изменения в наборе или значении признаков связаны с определенными функциональными вершинами, обладающими соответствующим означенным признаком и передающими этот признак

¹⁹ Pereltsvaig A. On number and numberlessness in languages with and without articles // Crosslinguistic studies on noun phrase structure and reference / ed. by P. Cabredo Hofherr and A. Zribi-Hertz. Syntax and semantics series. Leiden: Brill, 2013. P. 52–72.

²⁰ Borthen K. Norwegian Bare Singulars. Ph. D. dissertation, Norwegian University of Science and Technology, 2003.

доминирующим составляющим. Данные согласования свидетельствуют не только об иерархическом строении русской именной группы, но и об универсальном устройстве семантико-синтаксического интерфейса, отображающего разные компоненты значения именной группы в особым образом организованную синтаксическую структуру.

Линейная структура именной группы безартиклевых языков, рассмотренная в разделе 3.2 на материале русского языка, также предоставляет аргументы в пользу иерархической организации именных составляющих. Если исходить из предположения, что основной «каркас» расширенной именной проекции задает последовательность функциональных вершин, отвечающих за лексическую, количественную и референциальную семантику именной группы, то мы имеем возможность определить базовый порядок следования составляющих, привязанных к проекциям этих вершин. Отклонения от этого базового порядка, связанные с расположением именной вершины левее исходной позиции, демонстрируют свойства синтаксического передвижения. Таким образом, мотивация системы функциональных проекций, используемая в артиклевых языках (английский, скандинавские, итальянский, иврит) для русского языка также оказывается релевантной. Например, рассмотренные в разделе 3.2.1 инвертированные именные группы с сортовой (20) и аппроксимативной (21) инверсией, проявляют грамматические и акцентные свойства передвижения вершин; для такого передвижения необходима вышестоящая вершина, возглавляющая некоторую проекцию в составе иерархических оболочек именной группы.

(20) а. Во время цветения **очиток едкий** образует ярко-золотистый густой ковёр из цветоносов. [НКРЯ]

б. **Гагарка бескрылая** исчезла с лица земли в 1844 году. [Я]

(21) а. Лучше потерпи еще **минутки две**. [НКРЯ]

б. Зараз уносили в мешке **торфин шесть**, если были сыроваты, **торфин десять**, если сухие. [НКРЯ]

С другой стороны, оказывается, что многие виды лексических единиц, в артиклевых языках ассоциирующиеся с конкретной функциональной проекцией и тем самым конкретной линейной позицией в составе именной группы, в безартиклевых языках не привязаны к определенной позиции в синтаксической

структуре, но совместимы с различными функциональными проекциями. При этом, однако, их синтаксические и семантические характеристики в разных структурных позициях различны. Отличия в линейной позиции притяжательных и указательных элементов сопряжены с различиями в интерпретации именных групп: в русском языке при расположении притяжательного или указательного местоимения левее числительного именная группа является определенной и имеет исчерпывающую интерпретацию (22); при их расположении правее числительного такие эффекты не возникают (23).

(22) а. Ну значит вот что за истина пришла ко мне и **моим двум больным ногам** после сей беседы в 2 часа ночи: подчинение не приносит вечного и прочного.

[НКРЯ] ср. # двум моим ногам

б. **Эти пять аксиом** уже значительно сужают круг удовлетворяющих им линейно упорядоченных множеств. [НКРЯ].

(23) а. Но нет, не сподобился он столь же высокой мысли, и **три его пальца**, сложившись щепотью, показали ему кукиш. [НКРЯ] ср. # его три пальца

б. Все корабли были в арсенале. Лишь **пять этих огромных стрекоз** лежало на площади. [НКРЯ]

Аналогичным образом, указательные местоимения и притяжательные местоимения и прилагательные создают барьер для подъема оператора (и тем самым для относительной интерпретации) в конструкциях с адъективными операторами. Так, в (24а) порядковое прилагательное *первый* может иметь только узкую сферу действия: релевантное множество для выбора первого элемента представлено Петинскими аспирантами. В (24б) возможна также интерпретация с широкой сферой действия оператора, при которой на какой-либо из шкал (например, на шкале времени) ранжируются Петинские аспиранты, получившие Нобелевскую премию, и выбирается первый из них.

(24) а. На прошлой неделе Нобелевскую премию получил Петин первый аспирант.

б. На прошлой неделе Нобелевскую премию получил первый Петин аспирант.

Таким образом, указательные и притяжательные элементы проявляют «барьерные» свойства, препятствуя подъему оператора, и вызывают определенную

/ исчерпывающую интерпретацию только в том случае, когда располагаются на левой периферии именной группы, в проекции DP.

В **Главе 4** предметом рассмотрения выступают относительные конструкции разноструктурных языков, которые изучаются с точки зрения их синтаксической позиции и семантической интеграции в составе именной группы. Обнаруживается, что различные структурные типы предложений регулярно соотносятся с определенными семантическими типами модификации (раздел 4.1). Мы сосредоточились на двух семантических типах относительных конструкций: рестриктивных относительных предложениях и аппозитивных относительных предложениях.

Рестриктивные относительные клаузы, составляющие ядро относительных конструкций, в языках мира представлены различными структурными типами, среди которых, как минимум, относительные конструкции с внешней и с внутренней вершиной. При этом наблюдается существенное сходство в интерпретации компонентов относительных конструкций этих двух типов. В относительных конструкциях с внешней вершиной материал группы лексического существительного, прилагательные, слабые квантификаторы реконструируются внутри относительной клаузы, в то время как определители и сильные квантификаторы получают интерпретацию только в составе главной клаузы. Языковые феномены, свидетельствующие о том, что исходная синтаксическая позиция именной вершины относительного предложения находится внутри относительного предложения, называются эффектами связности²¹. Так, например, в русских относительных предложениях с относительным местоимением *который* наблюдаются следующие эффекты связности.

(i) Возможно создание идиоматически интерпретируемых конструкций с относительным предложением, в котором компоненты глагольно-именной идиомы представляют собой предикат относительного предложения и его именную вершину. В (25a) компоненты глагольно-именного идиоматического выражения *вставлять палки в колеса* не образуют составляющей и принадлежат разным клаузам; тем не менее (25a) интерпретируется идиоматически. (25b) свидетельствует, что именная группа *палки* в данном контексте не может быть

²¹ Bianchi V. Headed relative clauses in generative syntax, Part I // Glot International. 2002. Vol. 6. No.7. P. 197–204; Part II // Glot International. 2002. Vol. 6. No.8. P. 1–13.

проинтерпретирована вне идиомы. Это значит, что именная вершина в (25а) была вставлена в синтаксическую структуру в составе идиомы (внутри области идиоматической фиксации), т.е. в позиции дополнения в относительном предложении.

(25) а. Молодому и талантливому парню нужно было упорством и трудом доказывать свой профессионализм, несмотря на **палки**, которые ему постоянно **вставляли в колеса**. [Я]

б. # Молодому и талантливому парню нужно было упорством и трудом доказывать свой профессионализм, несмотря на **палки**.

(ii) Возвратное местоимение в составе именной вершины может быть связано внутри рестриктивного относительного предложения; референциальное выражение в составе именной вершины, напротив, не должно быть связано внутри рестриктивного относительного предложения. Так, в (26а) возвратное местоимение, будучи анафором, должно иметь локальный коиндексированный с-командующий антецедент (в соответствии с принципом А теории связывания), который возможен только в том случае, если реконструировать именную группу *ласковое отношение к себе* в позиции дополнения относительного предложения. Напротив, в (26б) референциальное выражение *Самгин* в составе именной вершины вызывает неграмматичность, при том что в главной клаузе оно не имеет коиндексированных с-командующих антецедентов. Следовательно, неграмматичность возникает из-за нарушения принципа С теории связывания (референциальное выражение не должно быть связано) при реконструкции именной вершины в составе относительного предложения (*Он_i испытал ласковое отношение к Самгину_i*).

(26) а. Было немножко грустно, и снова ощущалось то ласковое отношение к себе_i, которое испытал он_i после беседы о Безбедове с Мариной. [М. Горький. Жизнь Клим Самгина (1928)]

б. *Было немножко грустно, и снова ощущалось то ласковое отношение к Самгину_i, которое испытал он_i после беседы о Безбедове с Мариной.

(iii) Различные лексические единицы, обладающие сферой действия, но при этом не входящие в проекцию D, такие как адъективные операторы или слабые кванторы, в составе именной вершины способны получать интерпретацию,

соответствующую реконструкции именной вершины внутри относительного предложения. Например, предложение (27) имеет две интерпретации: в соответствии с первой интерпретацией утверждается, что имеется ровно одна книга, такая, про которую Петя сказал, что он ее дочитал до конца; в соответствии со второй интерпретацией речь идет о книге, про которую Петя сказал, что это единственная дочитанная им до конца книга. Вторая интерпретация может быть композиционно получена только в том случае, если адъективный оператор в составе именной вершины реконструируется в позиции мишени релятивизации (*Он дочитал до конца единственную книгу*).

(27) Это единственная книга, которую Петя сказал, что дочитал до конца.

Аналогичным образом, слабые кванторы могут получать интерпретацию ниже модального оператора придаточного предложения, что говорит о реконструкции именной вершины в позиции мишени.

(28) Двух книг, которые Петя хотел прочесть, недостаточно для сдачи экзамена.

В примере (28) мы также наблюдаем две интерпретации относительной конструкции. При первой интерпретации речь идет о конкретных двух книгах (например, книге Пешковского и книге Мельчука), которые Петя собирался прочитать к экзамену. Возможно, однако, и другое прочтение, при котором желание Пети состояло в том, чтобы прочитать две каких-нибудь книги; утверждается, что такого количества книг недостаточно, а нужно прочитать, например, пять. Для получения такой интерпретации составляющая *две книги* должна находиться в области с-командования интенционального предиката *хотеть*, т.е. в позиции мишени релятивизации.

Таким образом, в безартиклевых языках в относительных конструкциях с внешней вершиной наблюдается распределение материала именной группы между реконструируемым в позиции мишени релятивизации (компоненты лексической и нижних функциональных проекций) и интерпретируемым только в составе главной клаузы (компоненты группы определителя). Аналогичный контраст наблюдается в относительных конструкциях с внутренней вершиной: они обычно вложены в именную функциональную оболочку, принадлежащую главной клаузе, а определители и сильные кванторы, содержащиеся во внутренней вершине, интерпретируются в главной клаузе. В примере (29) из адыгейского языка сильный

квантор *perč* ‘каждый’, будучи линейно расположен внутри относительного предложения, с необходимостью интерпретируется за его пределами.

- (29) [gʷəbatə-perč-ew he-r zə-xe-seqa-ke-xe-m] raje
 губат-каждый-ADV собака-ABS REL.IO-LOC-кусать-PST-PL-OBL для
 swem-jə-pŕ s-tə-ke
 рубль-LK-десять 1SG.ABS-давать-PST

(i) ‘Я заплатила десять рублей за каждый губат, который надкусила собака.’

(ii) *‘Я заплатила десять рублей за губаты, каждый из которых надкусила собака.’²²

Подобные факты мотивируют единый подход к деривации рестриктивных относительных конструкций. В разделе 4.2 предлагается анализ, опирающийся на подъем именной группы из состава относительной клаузы, которая представляет из себя аргумент в группе определителя ([_{DP} D [_{CP} *который*+NP ...]]). Тем самым объясняются как эффекты связности в рестриктивных относительных конструкциях с внешней вершиной, так и отношение селекции между определителями и относительными клаузами. Из предложенного анализа следует, что компоненты расширенной проекции именной группы, в частности, группы лексического существительного (NP) и группы определителя (DP), не образуют составляющей на начальном этапе деривации. Легко видеть, что это возможно только в том случае, когда расширенная проекция именной группы содержит более одной максимальной проекции.

Отдельному рассмотрению в разделе 4.3 подверглась синтаксическая структура аппозитивных относительных конструкций. Мы установили, что аппозитивная интерпретация совместима только с определенными позициями относительной клаузы в структуре именной группы — antecedenta и главного предложения: аппозитивная клауза присоединяется строго выше уровня определителей и квантификаторов, вследствие чего не участвует в создании экстенционала определяемой именной группы.

Отличие рестриктивной и аппозитивной интерпретации относительных предложений демонстрируется в примере (30). При рестриктивной интерпретации (30a) именная вершина сперва соединяется с относительным предложением, и

²² Ландер Ю. А. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе: Дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2012.

лишь затем — с квантором. При таком порядке композиции материал относительного предложения интерпретируется как предикат, ограничивающий множество домов теми, которые были построены в центре города; утверждается, что цокольные гаражи имеют все дома, построенные в центре. Аппозитивная интерпретация (30b) возникает в том случае, когда относительное предложение присоединяется после создания универсальной DP *все дома*; в таком случае утверждается, что цокольными гаражами снабжены все дома, принадлежащие релевантному множеству, а не только те из них, которые построены в центре.

(30) а. [DP Все [[NP дома], [RC которые нами построены в центре города]]], имеют цокольные гаражи. [НКРЯ]

б. [DP [DP Все [NP дома]], [RC которые нами построены в центре города]], имеют цокольные гаражи. [НКРЯ]

Внутренняя структура аппозитивных относительных предложений также отличается от структуры рестриктивных клауз. Обсуждение, предпринятое в разделе 4.3, показывает, что именная вершина не реконструируется внутри аппозитивного относительного предложения, но порождается в составе главного предложения, а относительное местоимение выполняет функции не оператора, возглавляющего группу определителя, а анафорической проформы.

Таким образом, иерархическая структура именной группы, предполагающая вложение группы лексического существительного в функциональные оболочки и, в частности, в группу определителя DP, в равной степени мотивирована на материале относительных конструкций как для артиклевых, так и для безартиклевых языков. Соответственно, к уже представленным в предшествующих главах аргументам в пользу единого устройства именной группы добавляется новая совокупность аргументов, связанных с синтаксисом относительных клауз.

В Части II диссертационного сочинения, включающей Главы 5–7, исследуется внешний синтаксис именных групп. В рамках **Главы 5** мотивируется синтаксический подход к исследованию падежа как грамматической категории, определенной на именных группах и регулирующей дистрибуцию именных групп во внешнем синтаксическом контексте. Указанные теоретические положения служат основой для обсуждения теории падежа генеративной грамматики — ее возникновения, логики ее развития и современных исследований. В разделе 5.1

вводится в рассмотрение падежный фильтр — гипотеза о падеже как лицензоре именной группы в синтаксической структуре. В предложениях (31a-b) подлежащее инфинитивного оборота имеет одинаковую деривационную историю и в равной степени мотивировано селективными признаками предиката зависимой клаузы, однако в (31b) оно может быть выражено полной именной группой, а в (31a) — нет. Предположительно, отличие между (31a-b) состоит в том, что в (31a) источник падежа для подлежащего инфинитивного оборота отсутствует, а в (31b) приписывателем падежа выступает предложный комплементаризер *for* (ср. *for him to leave* ‘чтобы он уехал’).

(31) a. Leo decided [(*Lina/*himself) to leave].

‘Лео решил (*Лине/*себе) уехать.’

b. Leo decided [for Lina to leave].

‘Лео решил, что нужно, чтобы Лина уехала.’

Благодаря функции лицензора именных групп падеж становится важнейшим теоретическим понятием, а правила получения именной группой падежа рассматриваются как ядерный компонент грамматики. В разделе 5.2 обсуждается первая формальная теория падежа генеративной грамматики, опирающаяся на понятие управления. Управление становится одним из двух центральных межмодульных понятий теории и дает название этапу развития генеративной грамматики — Теория управления и связывания.

Раздел 5.3 посвящен поискам универсального механизма падежного маркирования. Теория управления и связывания допускала различные условия для приписывания разных падежей, так что специфика этих условий была ограничена в очень слабой степени. В раннем минимализме неоднократно пересматривается механизм соотнесения именной группы с ее падежным признаком, однако за этими теоретическими поисками неизменно стоит одна идея: свести доступные в теории способы падежного взаимодействия к единой конфигурации. Современная модель приписывания структурного падежа базируется на согласовании структурно приоритетной вершины — приписывателя падежа с ближайшей именной группой — получателем падежа.

В рамках теоретической программы минимализма впервые ставится вопрос о природе падежного признака: интерпретируем ли падеж, и если да, как его

значение связано с лицензированием именных групп. Обсуждению этой проблематики посвящен раздел 5.4. В последние 10–15 лет в рамках формальной парадигмы возникают новые теории, призванные пролить свет на интерпретируемость падежа и на появление значения падежного признака в синтаксисе. Одна из таких теорий — гипотеза о том, что падеж в действительности представляет собой некоторый «дополнительный» признак, реализуемый на именной группе в своем согласовательном варианте. В качестве такого дополнительного признака рассматривались различные грамматические категории. Наибольший интерес представляет подход, связывающий падежные граммы с синтаксической категорией управляющих вершин. В разделе 5.4 в рамках этого подхода исследуется падежная грамматика цахурского языка.

Предлагаемый анализ вводит тернарную оппозицию внутри категории падежа: номинатив соответствует беспадешным именным группам, прочие грамматические падежи отражают управление со стороны двухместных глаголов, семантические падежи являются экспонентами согласования с выраженными либо нулевыми послелогом. Вложение составляющей произвольной категории в именную группу сопровождается появлением на ней атрибутивной морфологии, выражающей, помимо категориального признака, также классно-числовые характеристики именной вершины (32a); косвеннопадежные именные группы вызывают появление косвенного атрибутивного показателя (32b):

- (32) a. haj-**na** āli malktab-ē-qa ark'in-**na**
 этот-AA высокий школа-IN-ALL 1.приходить.PF-AA
 akel-i-k_oa-**na** gade
 ум-OBL-COMIT-AA мальчик.NOM
 ‘этот умный парень, поступивший в высшую школу’
- b. haj-**ni** āli malktab-ē-qa ark'in-**ni**
 этот-AOBL высокий школа-IN-ALL 1.приходить.PF-AOBL
 akel-i-k_oa-**ni** gade-j-s
 ум-OBL-COMIT-AOBL мальчик-OBL-DAT
 ‘этому умному парню, поступившему в высшую школу’

Приписывание падежного признака моделируется следующим образом: при соединении именной группы с вершиной определенной синтаксической категории на нее копируется категориальный признак вершины. Последовательность категориальных ярлыков затем реализуется именной морфологией как

совокупность показателей косвенной основы, падежей и атрибутивных показателей (примеры (33)-(34)).

(33)	XoI	-j	-na	-Ø	mašuk	-Ø
	мука.N	-D	-N	-D	мешок.N	-D
	√.N	-NOM/OBL	-A	-NOM/OBL	√.N	-NOM/OBL

‘мешок муки’

(34)	XoI	-j	-ni	mašuk	-a	-ḳa
	мука.N	-D	-N-D-PCOMIT	мешок.N	-D	-PCOMIT
	√.N	-NOM/OBL	-AOBL	√.N	-NOM/OBL	-COMIT

‘с мешком муки’

В предлагаемой системе номинативные именные группы в цахурском языке — это DP, на которые не был скопирован никакой категориальный ярлык. Они встречаются в различных синтаксических позициях, в частности, в позиции внутреннего аргумента переходного глагола, а также единственного аргумента одноместных глаголов. В структурном отношении они проще, чем именные группы в косвенных падежах. Проницаемость границы номинативной DP как для приписывания признаков, так и для прочих синтаксических операций (например, для A'-зависимостей) имеет общую природу и связана возможностью морфологической реализации категориальных ярлыков на именной составляющей. Именные группы с грамматическими (реляционными) падежами — это DP, управляемые переходными глаголами. В силу того, что они встречаются в позиции переходных внешних аргументов, они могут быть затронуты разного рода операциями, влияющими на переходность глагола. Именные группы в грамматических падежах никогда не выступают непосредственными зависимыми в именной группе и не управляются послелогом. Они не могут подвергаться атрибутивизации, поскольку глагольная группа непрозрачна для приписывания признаков, и не субстантивируются, поскольку не могут оказаться зависимыми первого уровня в именной группе.

Наконец, именные группы в семантических падежах — это DP, управляемые фонологически выраженными или нулевыми послелогам. Они могут выступать в качестве зависимых в именной группе и в этом случае допускают субстантивизацию. Атрибутивная морфология в таком случае располагается на фонологически выраженном послелог; если послелог нулевой, такие

конфигурации выглядят как расположение атрибутивной морфологии «поверх» показателя семантического падежа.

Если, следуя генеративному подходу, принимать положение о синтаксическом падеже как лицензоре именной группы, определяющем ее дистрибуцию, следует ожидать, что падежный признак должен быть представлен в именных группах любого языка, независимо от того, реализуется ли он в данном языке морфологически. Соответствие между лицензированием именных групп и наличием морфологического падежа, однако, не всегда тривиально. В **Главе 6** исследуется соотношение морфологического падежа и лицензирования именных групп. В разделах 6.1 и 6.2 обсуждаются два наиболее ярких языковых феномена — так называемые «странные подлежащие» (*quirky subjects*) и эргативность — которые связаны с рассогласованием между абстрактным (синтаксическим) и морфологическим падежом.

Проблема *quirky*-подлежащих получила подробное освещение на материале исландского языка. Выяснилось, что в структурной позиции подлежащего могут располагаться именные группы, получающие не-структурный *quirky*-падеж от проецирующей их лексической вершины. В результате связь между морфологическим и абстрактным падежом оказывается нарушена: в тех позициях, где приписывается (морфологический) *quirky*-падеж, не обязательно приписывается абстрактный падеж, и наоборот, в позициях, где приписывается абстрактный падеж, именная группа может не получать падежной морфологии²³. В (35a-b) показан исландский глагол *batna* ‘выздоровливать’, приписывающий своему первому аргументу дательный падеж. Из (35b) видно, что в случае подъема из позиции подлежащего инфинитивного оборота в позицию подлежащего главной клаузы этот аргумент сохраняет свое падежное оформление. Таким образом, данный аргумент получает морфологический падеж в исходной позиции, однако лицензируется (то есть получает абстрактный падеж) только в производной позиции.

- (35) a. Barninu batnaði veikin.
ребенок.DAT выздороветь.PST.3SG болезнь.NOM
‘Ребенок выздоровел от болезни.’

²³ Zaenen A., Maling J., Thráinsson H. Case and grammatical functions: The Icelandic passive // Natural language and linguistic theory. 1985. Vol. 3. P. 441–483.

- b. Barninu_i virðist [t_i hafa batnað veikin].
 ребенок.DAT казаться.PRS.3SG AUX.INF выздороветь.PART болезнь.NOM
 ‘Ребенок, кажется, выздоровел от болезни.’

При этом, однако, обнаруживается, что потребность именной группы в абстрактном падеже сохраняется даже при получении ею *quirky*-падежа от лексической вершины. *Quirky*-подлежащее инфинитивного оборота, точно так же, как и подлежащее инфинитивного оборота при глаголе со стандартной моделью управления, лицензируется только в конструкции с предикатом подъема (36a), но не в конструкции с предикатом контроля (36b).

- (36) a. Ég tel henni líka thessi bók.
 я.NOM полагать.PRS.1SG она.DAT нравиться.INF этот книга.NOM
 ‘Я полагаю, что ей нравится эта книга.’
- b. *Hún reyndist henni líka thessi bók.
 он.NOM пытаться.PST.3SG она.DAT нравиться.INF этот книга.NOM
 ‘*Он пытался, чтобы ей нравилась эта книга.’

Важнейший вопрос для теории падежа, связанный с эргативной падежной моделью, состоит в том, каков статус эргативности как феномена. Либо эргативность — это синтаксическое явление, и тогда эргативные языки имеют особую структуру клаузы, механизмы приписывания падежа и лицензирования аргументов; либо эргативность — это поверхностное, морфологическое явление, которое, подобно *quirky*-падежу исландского языка, заслоняет подлинную синтаксическую организацию предложения, весьма схожую с той, что известна нам из аккумулятивных языков. В разделе 6.2 обсуждаются попытки анализа эргативных падежных систем, опирающиеся на традиционную модель падежа и рассматривающие эргатив как аналог *quirky*-падежа, приписываемый переходным глаголом.

Принципиальное решение проблемы рассогласования морфологического падежа и лицензирования именных групп предлагает конфигурационная теория падежа А. Марантца²⁴, которая отказывается от абстрактного падежа и постулирует исключительно морфологическую трактовку этой категории (раздел 6.3). Падежное маркирование происходит в постсинтаксическом компоненте согласно иерархии реализации падежей. Наибольший интерес в теории Марантца представляют

²⁴ Marantz A. Case and licensing // Eastern states conference on linguistics / ed. by G. Westphal, B. Ao and Hee-Rahk Chae. Ithaca, NY: CLC Publications, 1991. P. 234–253.

понятия «зависимого» падежа и «дефолтного» падежа, позволяющие рассматривать аккузативную и эргативную модели предложения как дополнительные. Эти идеи, впрочем, оказываются совместимы и с более традиционным представлением о падеже как синтаксическом (а не только морфологическом) феномене. Отдельным вопросом становится устройство предикативного согласования в конфигурационной модели. Согласование обычно не является полностью независимым от падежа: имеют место падежные ограничения на согласование, так что в качестве контролера согласования доступны только именные группы в определенных падежах.

В разделе 6.4 рассмотренные модели падежа использованы в анализе русского приименного генитива. Мы снова обратились к русскому генитивному посессору и соотнесли его структурные характеристики, установленные в Главе 2, с падежными. Мы обнаружили, в частности, что разные падежные теории предсказывают альтернативы в оформлении аргументов при номинализации, выявляемые у носителей русского языка.

Событийные номинализации и их аргументы регулярно соотносятся с глагольными основами и их аргументами. На основе модели управления глагола с высокой точностью можно предсказать модель управления событийной номинализации, что находит свое отражение в трансформационном анализе номинализаций²⁵. Полное описание соответствий между аргументами глагольных основ и аргументами номинализаций, представленное в академической грамматике²⁶, сводится к следующим закономерностям.

— Номинализации одноместных основ выражают свой единственный аргумент (примыкающим) субъектным генитивом: *приход незнакомца, прибытие поезда*; отличий между агентивными и пациентивными основами (либо неэргативными и неаккузативными основами) не проводится.

— Номинализации двухместных непереходных основ сохраняют беспредложное и предложное управление глагольной основы: *боязнь*

²⁵ Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974; Падучева Е. В. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени // Проблемы структурной лингвистики / Отв. ред. В.П. Григорьев. М.: Наука, 1984. С. 50–66.

²⁶ Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 1980. § 1809–1811, 1825, 1835, 1838, 1861.

ответственности, поклонение богам, владение языками; при этом внешнему аргументу соответствует субъектный генитив: *поклонение туземцев богам*.

— Номинализации переходных основ присоединяют (управляемый) объектный генитив, регулярно соотносящийся с управляемым приглагольным аккумулятивом, и (примыкающий) субъектный инструменталис: *осмотр больных врачом, исполнение арии Шаляпиным*.

Обобщения, касающиеся данной стратегии оформления аргументов номинализации, используется в качестве отправной точки для анализа во многих исследованиях русских номинализаций. Легко видеть, что падежное маркирование аргументов в номинализации реализует эргативную стратегию: одинаковое оформление — генитив — получают внутренний аргумент переходной основы и единственный аргумент одноместной основы, в то время как специальный падеж — инструменталис — используется для оформления внешнего аргумента переходной основы.

«Эргативный» или «пассивный» характер русских номинализаций отмечали многие исследователи. Так, М. Копчевская-Тамм относит номинализации в русском языке к посессивно-эргативному типу: при эргативной стратегии «дефолтное» оформление аргумента совпадает с оформлением посессора (используется генитив)²⁷. О принципиальной эргативности номинализаций как следствии отсутствия в их структуре переходного легкого глагола пишет А. Алексиаду²⁸. Другие исследователи предполагают, что эргативная схема оформления аргументов возникает вследствие предварительной пассивизации переходных основ²⁹. Эти подходы объединяет общее представление о мотивации

²⁷ Koptjevskaja-Tamm M. Nominalizations. London: Routledge, 1993.

²⁸ Alexiadou A. Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 2001.

²⁹ Падучева Е. В. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка / Отв. ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, 1977. С. 84–107; Comrie B. Nominalization in Russian: lexical noun phrases or transformed sentences? // Morphosyntax in Slavic / ed. by C. V. Chvany and R. D. Brecht. Columbus (Ohio): Slavica Publishers, 1980. P. 212–220. Babby L. H. Nominalization in Russian // Formal approaches to Slavic linguistics: The Cornell Meeting / ed. by W. Browne, E. Dornisch, N. Kondrashova and D. Zec. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1997. P. 54–83; Engelhardt M., Trugman H. D as a source of adnominal genitive in Russian // Formal Approaches to Slavic Linguistics. The Connecticut Meeting 1997 / ed. by Ž. Bošković, S. Franks and W. Synder. Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 1998. P. 114–133; Rappaport G. The Slavic noun phrase in comparative perspective // Comparative Slavic morphosyntax / ed. by S. Harves and J. Lavine. Bloomington: Slavica Publishers, 2000. P. 1–25.

пассивизации: особое оформление внешнего аргумента вызвано тем, что в русской событийной номинализации недоступно более одного генитива. Поскольку внутренний аргумент событийной номинализации обязателен к выражению, единственный генитив должен быть «израсходован» на внутренний аргумент. Соответственно, внешний аргумент можно выразить только некоторым особым способом, например, как агентивное дополнение при пассивизации.

Наряду с нормативной стратегией в современном русском языке обнаруживается тенденция к экспансии творительного падежа для выражения внешнего аргумента одноместных агентивных глаголов (неэргативов) и двухместных непереходных глаголов, лексически управляющих косвенным падежом или предложной группой. Эта тенденция выявляется как при анализе интернет-ресурсов, так и в экспериментальном исследовании.

(37) а. «Голяком ходить» — так соседская бабушка характеризует экипировку современных девушек зимой, **хождение ими** в тонких колготах. [Я]

б. Уверенность, что ситуация складывается именно так, а не иначе, придаёт не столько количественный результат россиян в Загребе, сколько качество **катания ими**...[Я]

с. На сферу общения ребёнка, **овладение им речью**, на развитие личности и самосознания оказывает влияние общение ребёнка со взрослым... [Я]

д. Еще одним фактором, который развивает агрессивное поведение у детей, является **подражание ими своим сверстникам**. [Я]

Следует отметить, что использование творительного падежа вместо родительного не наблюдается при номинализациях от одноместных пациентивных глаголов (неаккузативов). Таким образом, одноместные основы делятся на два класса в отношении возможного оформления их аргумента при номинализации.

Стратегия с экспансией инструменталиса соответствует так называемой эргативно-активной стратегии³⁰, или активной стратегии на базе эргативной: класс одноместных глаголов расщепляется на агентивные и пациентивные, и падежное оформление объединяет агенсы переходных и одноместных глаголов, с одной

³⁰ Bittner M., Hale K. The structural determination of case and agreement // Linguistic Inquiry. 1996. Vol. 27. P. 1–68.

стороны, и пациенсы переходных и одноместных глаголов, с другой стороны³¹. Противопоставление эргативной и эргативно-активной модели, представленное в русских событийных номинализациях, находит естественное соответствие в синтаксисе финитной клаузы разных типов морфологически эргативных языков.

Первый тип, реализующий собственно эргативную стратегию, представлен во многих нахско-дагестанских языках, например, в багвалинском (андийские / аваро-андо-цезские), см. примеры (38a-d).

- (38) a. anwar || *anwar-i-r w-ič'a.
 Анвар.NOM || Анвар-OBL-ERG М-умирать
 ‘Анвар умер.’
- b. anwar || *anwar-i-r k'anc'uri.
 Анвар.NOM || Анвар-OBL-ERG прыгать
 ‘Анвар прыгнул.’
- c. anwar || *anwar-i-r waša-šū-X w-ič'ā.
 Анвар.NOM || Анвар-OBL-ERG сын-OBL-AD М-смотреть
 ‘Анвар посмотрел на сына.’
- d. *anwar || anwar-i-r waša w-ešisi.
 Анвар.NOM || Анвар-OBL-ERG сын.NOM М-хвалить
 ‘Анвар похвалил сына.’

Примеры показывают, что эргативное оформление внешнего аргумента используется только у переходных глаголов, в том случае, когда внутренний аргумент оформляется номинативом (38d). Если же внутреннего аргумента нет (38b) или он получает лексически управляемый косвенный падеж (38c), внешний аргумент оформляется номинативом. Номинатив является также падежом внутреннего аргумента одноместного пациентивного глагола (38a).

Ко второму типу языков с морфологической эргативностью — эргативно-активным языкам — можно отнести, например, грузинский и баскский.

- (39) a. sṭudent-i mivida.
 студент-NOM приходить.AOR
 ‘Студент пришел.’
- b. moxuc-ma iṭira.
 старик-ERG плакать.AOR
 ‘Старик заплакал.’

³¹ Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992.

- c. vano-m ipikra mariḳa-ze.
Вано-ERG думать.AOR Марика.DAT-o
‘Вано думал о Марике.’
- d. nino-m gia-s surateb-i aṣvena.
Нино-ERG Гия-DAT картина-NOM показывать.AOR
‘Нино показала Гии картину.’

Грузинский язык использует эргатив для оформления внешнего аргумента не только при переходном глаголе (39d), но и при одноместных и двухместных непереходных глаголах (39b-c). Внутренний аргумент одноместных (неаккузативных) глаголов оформляется номинативом (39a).

Можно заключить, что условия приписывания эргатива в багвалинском и грузинском языке различны: в багвалинском эргатив оформляет внешний аргумент только при наличии номинативного внутреннего аргумента, а в грузинском эргатив оформляет внешний аргумент независимо от наличия и падежного оформления внутреннего аргумента. Если теперь обратиться к русским событийным номинализациям, мы обнаруживаем такие же условия для приписывания инструменталиса: в случае нормативной стратегии инструменталис оформляет внешний аргумент только при наличии генитивного внутреннего аргумента, а в случае стратегии с экспансией творительного падежа инструменталис используется для оформления внешнего аргумента независимо от наличия и падежного оформления внутреннего аргумента.

Отличия в условиях приписывания падежа внешнему аргументу отражаются в двух популярных подходах к анализу эргативности: теории эргатива как зависимого падежа и теории эргатива как ингерентного падежа внешнего аргумента. В разделе 6.4 демонстрируется объяснительный потенциал этих теорий применительно к двум стратегиям оформления аргументов русской номинализации: теория зависимого падежа успешно моделирует нормативную стратегию, в то время как теория ингерентного падежа — стратегию с экспансией творительного падежа.

Последнее обобщение мотивирует еще одно направление исследований падежа, связанное с альтернативным падежным маркированием аргументов в различных структурных контекстах. Этой проблематике посвящена **Глава 7**, в которой испытательным полигоном для падежных теорий служит феномен

дифференцированного падежного маркирования. Дифференцированное падежное маркирование определяется как зависимость падежного оформления аргумента (или отсутствия такого оформления) от некоторого формального признака именной группы или объемлющей синтаксической конфигурации, не связанного с собственно модифицированным управлением (таким как, например, залог или актантная деривация). Исчислив основные языковые явления, подпадающие под это понятие, и рассмотрев лицензирующие факторы, определяющие выбор падежного оформления аргумента, в разделе 7.1 мы обосновываем единый подход к дифференцированному падежному маркированию, охватывающий варьирование по меньшей мере в основных структурных контекстах — субъекта, объекта, посессора.

С учетом этих теоретических представлений в разделе 7.2 исследуется дифференцированное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка. В грамматических описаниях литературного татарского языка³² указывается, что лицензором падежного варьирования выступает определенность: определенные именные группы в позиции дополнения получают винительный падеж, а неопределенные именные группы остаются немаркированными. Сходные наблюдения можно сделать и для мишарского диалекта татарского языка (40a-b).

- (40) a. Марат **машина-ны** сат-ып ал-ды.
 Марат машина-АСС продавать-CONV братъ-PST
 ‘Марат купил (конкретную) машину.’
- b. Марат **машина** сат-ып ал-ды.
 Марат машина продавать-CONV братъ-PST
 ‘Марат купил (какую-то) машину.’

Некоторые типы именных групп, например, личные местоимения, имена собственные, именные группы, содержащие указательные местоимения и сильные кванторы, именные группы с генитивным посессором (изафетная конструкция 3) и расщепленные именные конструкции, формально представляющие собой изафетные конструкции 3, не демонстрируют дифференцированного маркирования и с обязательностью оформляются аккузативом:

³² Татарская грамматика. Т. 3: Синтаксис / Под ред. М. Ф. Закиева. Казань: изд-во Казанского гос. ун-та, 1993–1995; Вильданова Н. Г., Гарипов Т. М. Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей? // Сов. тюркология. 1988. № 4. С. 36–41.

- (41) a. Марат бу машина-*(ны) сат-ып ал-ды.
 Марат этот машина-ACC продавать-CONV брать-PST
 ‘Марат купил эту машину.’
- b. Марат Рамил-нең машина-сы-*(н) сат-ып ал-ды.
 Марат Рамиль-GEN машина-3-ACC продавать-CONV брать-PST
 ‘Марат купил машину Рамиля.’
- c. Ул китап-лар-ның еч-есе-*(н) укы-ды.
 он книга-PL-GEN три-3-ACC читать-PST
 ‘Из книг он прочитал три.’

На первый взгляд кажется возможным объяснить запрет на опущение аккузативного показателя влиянием факторов, релевантных для DOM. Действительно, если считать референциальные характеристики именной группы ответственными за выбор между аккузативной и немаркированной формой прямого дополнения, удастся объяснить, почему личные местоимения, личные имена, именные группы с универсальными кванторами и именные группы с указательными местоимениями требуют аккузативного показателя в контексте прямого дополнения: такие именные группы всегда определенные.

Однако обнаруживается, что именные группы с изафетной конструкцией 3 не только не являются всегда определенными, но и могут быть нереферентными. Так, в (42a) именная группа *Тукайның ике шигыре* ‘два стихотворения Тукая’ может иметь как широкую (соответствующую определенному или неопределенному референтному референциальному статусу) сферу действия по отношению к универсальному квантору, так и узкую сферу действия, при которой выбор двух стихотворений варьирует по ученикам. Если бы эта именная группа была определенной, она бы демонстрировала только широкую сферу действия по отношению к другим кванторам. В (42b) именная группа *Алсуның бер фотографиясе* ‘одна фотография Алсу’ может иметь узкую сферу действия относительно сентенциального отрицания и являться нереферентной. Наконец, в (42c) демонстрируется расщепленная количественная группа в позиции прямого дополнения; перевод показывает, что такая группа может иметь как широкую (*две конкретные книги*), так и узкую (*любые две книги*) сферу действия относительно модального предиката. При этом, однако, опущение аккузативного показателя в примерах (42a-c) недопустимо ни при одной из интерпретаций.

- (42) а. Һәр укучы Тукай-ның ике шигыр-е-*(н) уку-ды.
каждый ученик Тукай-GEN два стихотворение-3-ACC читать-PST
‘Каждый ученик прочитал два стихотворения Тукая.’
(i) $2 > \forall$ (= определенные 2 стихотворения прочитал каждый ученик)
(ii) $\forall > 2$ (= каждый ученик прочитал по 2 стихотворения)
- б. Марат Алсу-ның бер фотография-се-*(н) дә күр-ме-де.
Марат Алсу-GEN один фотография-3-ACC EMРН видеть-NEG-PST
‘Марат не видел (ни) одной фотографии Алсу.’
(i) $Neg > \exists$ (= Марат не видел ни одной фотографии Алсу)
(ii) $\exists > Neg$ (= Марат не видел одну фотографию Алсу)
- с. Бу китап-лар-ның ике-се-*(н) уку-рга кирәк.
этот книга-PL-GEN два-3-ACC читать-INF нужно
‘Из этих книг нужно прочитать две.’
(i) $две > нужно$ (= есть конкретные две книги, которые нужно прочитать)
(ii) $нужно > две$ (= нужно прочитать любые две книги)

Таким образом, обнаруживаются такие структурные типы именных групп, обязательное маркирование которых в контексте прямого дополнения не может быть объяснено действием фактора определенности. Следовательно, анализ дифференцированного падежного маркирования в мишарском диалекте татарского языка должен опираться на структурные характеристики именной группы и выводить из них интерпретационные эффекты, сопровождающие падежное оформление прямого дополнения.

Исследование именных группы разных структурных типов позволяет установить, что падежное варьирование в позиции объекта в конечном итоге обусловлено категориальным статусом именной группы: именные группы полной структуры имеют падежный признак, в то время как именные группы неполной структуры лишены его. Из этого следуют отличия в линейной позиции и интерпретации падежно-оформленных и беспадежных именных групп. Именные группы полной структуры обладают всеми необходимыми формальными признаками и видимы для внешних зондов — синтаксических вершин, обеспечивающих приписывание падежа, открытое передвижение (скрэмблинг) и скрытое передвижение (доступность определенной и специфичной интерпретации, широкая сфера действия). Именные группы неполной структуры лишены некоторых или всех формальных признаков и не могут вступить во взаимодействие

с внешними зондами, вследствие чего не получают падеж, могут располагаться только в базовой (предглагольной) позиции и имеют только поверхностную (самую узкую) сферу действия.

Таким образом, гипотеза об универсальном синтаксическом устройстве именных групп получает аргументацию на материале дифференцированного падежного маркирования: именные группы в мишарском диалекте татарского языка (как, впрочем, и в литературном татарском языке, см. раздел 7.4) различаются по своему категориальному статусу, и это различие транслируется в альтернативное падежное оформление аргументов, их грамматические и интерпретационные свойства.

Обсуждение беспадёжных составляющих в разделе 7.3 продолжается на материале русского языка. Утверждается, что дистрибуция аргументов различных синтаксических категорий в русском языке определяется их способностью к выражению падежа. При этом среди русских именных составляющих обнаруживаются как обладающие падежным признаком, так и беспадёжные единицы. Последние демонстрируют специфическое синтаксическое поведение и нерелевантные интерпретации. К числу контекстов, допускающих беспадёжные составляющие в русском языке, относятся контексты подлежащего и прямого дополнения, а также дополнения так называемых количественных предлогов³³, характерной особенностью которых является эффект «исчезающей одушевленности»: если их дополнением оказывается конструкция с малым числительным, различающая «одушевленный» и «неодушевленный» аккузатив в других употреблениях (*увидел три картины*, но *увидел трёх девочек*), в контексте данных лексем одушевленность не реализуется, и мы наблюдаем форму не генитива, а номинатива, как у неодушевленных именных групп³⁴:

³³ Мельчук И. А. О падеже числового выражения в русских сочетаниях типа (*больше*) *на два мальчика* или *по трое больных* // Russian Linguistics. 1980. Vol. 5. No. 1. P. 55–74; Микаэлян И. Л. О категории одушевленности в конструкциях с числительными в русском языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 429–447.

³⁴ Еськова Н.А. Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М.: ЯСК, 2011; Rappaport G. The grammatical role of animacy in a formal model of Slavic morphology // American contributions to the thirteenth International Congress of Slavists. Vol. 1: Linguistics / ed. by A. Timberlake and A. Schenker. Bloomington, IN: Slavica, 2003. P. 149–166.

(43) а. Молоков решил перевозить в них людей; тогда каждым рейсом он мог бы брать **на два человека** (?*на двух человек) больше. [НКРЯ]

б. ... однажды по воле случая я оказался в зале Чайковского **через два человека** (*через двух человек) от места, которое занимал Шунков. [НКРЯ]

в. Ради упрощения закроем уж глаза на то, что у А. Т. Ф. в первой из цепочек иногда указано **по два князя** (*по двоих князей / *по двух князей) на одно звено, и на некоторые другие детали... [НКРЯ]

Эффект совпадения формы аккузатива количественного выражения не с генитивом (что свойственно в русском языке одушевленным именным группам), а с номинативом получает объяснение, если предположить, что в контексте количественных предлогов выступает именная группа малой структуры, лишенная функциональной оболочки DP и, следовательно, потребности во внешнем источнике падежа.

Наконец, в разделе 7.4 исследуется объяснительный потенциал различных падежных теорий в отношении падежного варьирования. Само существование падежного варьирования, его формальные характеристики, а также эмпирически засвидетельствованные типы контекстов и лицензоров имеют существенные последствия для формальных моделей падежа. Принципиально важно, что адекватное представление падежного варьирования в языках мира должно учитывать отличие немаркированного падежа и отсутствия падежа, а дихотомия падежных и беспадёжных именных групп, в свою очередь, может иметь в качестве лицензора такую синтаксическую характеристику, как структурный статус именной группы.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, обобщаются теоретические и практические результаты работы. На основании проведенного исследования мы приходим к следующему выводу: наличие или отсутствие артикля в языке, равно как и возможности выделения в лексиконе дистрибутивного класса артикля, не является макропараметром, предопределяющим устройство синтаксической структуры именной группы, но характеризует частный параметр лексикона — наличие фонологически выраженных лексических единиц, жестко привязанных к соответствующей синтаксической категории. Универсальность DP (и других промежуточных

функциональных проекций) следует понимать как универсальное устройство семантико-синтаксического интерфейса, отображающего разные компоненты значения именной группы — лексические, количественные, референциальные — в иерархически организованную синтаксическую структуру, так что каждый тип информации получает синтаксическую репрезентацию в рамках соответствующей лексической или функциональной проекции. Синтаксический падеж, будучи признаком вершины D, характеризует только именные группы полной структуры, вследствие чего именные группы малой структуры могут оставаться беспаджными. Подобное различие создает основу для синтаксической и интерпретационной специфики беспаджных именных групп, а также для падежного варьирования определенного типа, широко распространенного в языках мира.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК, а также в изданиях, индексируемых в системах Scopus, Web of Science:

- 1. Лютикова Е. А. К вопросу о категориальном статусе именных групп в русском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2010. — № 6. — С. 36–76.**
- 2. Lyutikova E., Tatevosov S. Atelicity and anticausativization // Argument Structure and Syntactic Relations: A Cross-linguistic Perspective. — Amsterdam: Benjamins, 2010. — P. 35–68.**
- 3. Лютикова Е. А. Семантические типы относительных предложений в русском языке: анализ корпусных данных // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. — 2011. — № 4 (26). — С. 199–204.**
- 4. Лютикова Е. А. О двух типах инверсии в русском языке // Русский язык в научном освещении. — 2012. — Т. 2. — С. 65–106.**
- 5. Лютикова Е. А. Интерпретация местоимения «который» в аппозитивных относительных предложениях // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2012. — № 1. — С. 3–24.**

6. Lyutikova E., Tatevosov S. Complex predicates, eventivity, and causative-inchoative alternation // *Lingua*. — 2013. — Vol. 135. — P. 81–111.
7. Лютикова Е. А. Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия Филологические науки*. — 2014. — № 4. — С. 50–70.
8. Ионова А. А., Лютикова Е. А. Сфера действия адъективных операторов и синтаксис именной группы в русском языке // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия Филологические науки*. — 2015. — № 2. — С. 68–87.
9. Лютикова Е. А., Перельцвайг А. М. Структура именной группы в безартиклевых языках: универсальность и вариативность // *Вопросы языкознания*. — 2015. — № 3. — С. 52–69.
10. Лютикова Е. А. Согласование, признаки и структура именной группы в русском языке // *Русский язык в научном освещении*. — 2015. — № 30. — С. 44–74.
11. Лютикова Е. А. Безвершинные относительные предложения в русском языке: эмпирические данные и теоретические проблемы // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия Филологические науки*. — 2015. — № 3. — С. 74–85.
12. Lyutikova E., Pereltsvaig A. The Tatar DP // *Canadian Journal of Linguistics*. — 2015. — Vol. 60, No. 3. — P. 289–325.
13. Zimmerling A., Lyutikova E. Approaching V2: verb second and verb movement // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Том 14*. — Российский государственный гуманитарный университет. Москва, 2015. — P. 696–710.
14. Лютикова Е. А. Синтаксис аппозитивных относительных предложений // *Rhema. Рема (Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. Филологические науки)*. — 2016. — № 2. — С. 67–87.
15. Lyutikova E., Tatevosov S. Nominalization and the problem of indirect access: Evidence from Ossetian // *Linguistic Review*. — 2016. — Vol. 33, No. 3. — P. 321–363.

16. Лютикова Е. А., Ронько Р. В., Циммерлинг А. В. Дифференцированное маркирование аргументов: морфология, семантика, синтаксис // Вопросы языкознания. — 2016. — № 6. — С. 113–127.

17. Lyutikova E. Formal modeling of case variation: a parametric approach // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Том 15. — Российский государственный гуманитарный университет. Москва, 2016. — С. 455–470.

Монографии:

18. Лютикова Е.А. Формальные модели падежа: теории и приложения. — Языки славянских культур, Москва, 2017.

Разделы в коллективных монографиях:

19. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке / Е. Лютикова, С. Татевосов, М. Иванов и др. — ИМЛИ РАН, Москва, 2006.

20. Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Под ред. А.В. Циммерлинга и Е.А. Лютиковой. — Языки славянских культур, Москва, 2016.

Другие публикации:

21. Гращенков П. В., Лютикова Е. А. Об одном предлоге о трех формах, о структуре русской именной группы и обо всем остальном // Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова / Под ред. А.В. Архипова и др. — Языки славянских культур, Москва, 2008. — С. 480–507.

22. Гращенков П. В., Лютикова Е. А. Номинализации и семантико-синтаксический интерфейс // Исследования по глагольной деривации / Под ред. В. А. Плунгяна, С. Г. Татевосова. — Языки славянских культур, Москва, 2008. — С. 171–230.

23. Федорова О. В., Козлова А. В., Лютикова Е. А. Заставить или разрешить: анализ семантики каузативных глаголов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной

- конференции Диалог (Бекасово, 4 – 8 июня 2008 г.) / Под ред. А. Е. Кибрика и др. — Изд-во РГГУ, Москва, 2008. — С. 217–221.
24. Лютикова Е. А. Относительные предложения с союзным словом "который": общая характеристика и свойства передвижения // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К. Л. Киселевой, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, С. Г. Татевосова. Пробел-2000, Москва, 2009. — С. 436–511.
25. Лютикова Е. А. Рестриктивные и аппозитивные относительные предложения в русском языке // Труды XII Казанской школы-семинара TEL'2012 Корпусы национальных языков: модели и технологии. — АН РТ, Казань, 2012. С. 58–70.
26. Lyutikova E., Tatevosov S. A finer look at predicate decomposition: evidence from causativization // Empirical issues in syntax and semantics. — Vol. 9. — CNRS, Paris, 2012. — P. 207–224.
27. Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. Теория грамматики и лингвистическая типология // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции "ТМП 2014" / Под ред. Е. А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга и М.Б. Коношенко. — Вып. 1. — МГГУ, Москва, 2014. — С. 5–11.
28. Лютикова Е. А. Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции "ТМП 2014" / Под ред. Е. А. Лютиковой, А.В. Циммерлинга и М.Б. Коношенко. — Вып. 1. — МГГУ, Москва, 2014. — С. 120–145.
29. Лютикова Е. А., Тестелец Я. Г. Родительный падеж при отрицании и расщепленные конструкции со значением количества в русском языке // Логический анализ языка: числовой код / Под ред. Н.Д. Арутюновой, С.Ю. Бочавер. — URSS, Москва, 2014. — С. 22–35.
30. Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. Постоянная Кибрика // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Под ред. М. А. Даниэля, Е. А. Лютиковой, В. А. Плунгяна и др. — Алетейя, СПб, 2014. — С. 140–168.
31. Pereltsvaig A., Lyutikova E. Possessives within and beyond NP: Two ezafe-constructions in Tatar // Advances in the Syntax of DPs: Structure, agreement, and case /

- Ed. by A. Bondaruk, G. Dalmi and A. Grosu. — Vol. 217 of *Linguistik Aktuell*. — Amsterdam: Benjamins, 2014. — P. 193–219.
32. Lyutikova E., Tatevosov S. Causativization and event structure // *Causation in Grammatical Structures* / Ed. by B. Copley and F. Martin. — Vol. 52 of *Oxford Studies in Theoretical Linguistics*. — Oxford University Press Oxford, 2014. — P. 279–327.
33. Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В. Параметрическая типология: модели и объяснения // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции "ТМП-2015" / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. — Вып. 2. — МПГУ, Москва, 2015. — С. 4–6.
34. Lyutikova E. Tsakhur as a case stacking language // *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata* / Ed. by P. Arkadiev et al. — *Languages of Slavic Culture*, Moscow, 2015. — P. 192–214.
35. Lyutikova E., Tatevosov S. Recursive passivization: a causative coercion account // *Affix ordering across languages and frameworks* / Ed. by S. Manova. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — P. 17–52.
36. Lyutikova E., Ibatullina D. How many modalities of case assignment are there in Tatar? // *Proceedings of the International Conference "Turkic Languages Processing: TurkLang-2015"*. — Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Press, Kazan, 2015. — P. 423–444.
37. Lyutikova E., Pereltsvaig A. Differential object marking in Tatar and the functional architecture of the noun phrase // *Proceedings of the 9th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL9)* / Ed. by A. Joseph and E. Predolac. — Vol. 76 of *MIT Working Papers in Linguistics*. — MIT Press Cambridge (Mass), 2015. — P. 171–182.
38. Lyutikova E., Ibatullina D. Case theory and case variation in Tatar // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции "ТМП-2015" / Под ред. Е.А.Лютиковой, А.В.Циммерлинга, М.Б.Коношенко. — Вып. 2. — МПГУ, 2015. — P. 228–244.
39. Лютикова Е. А. Стратегии оформления аргументов в русской событийной номинализации и теория падежа // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. — 2016. — Т. 11. — С. 199–217.

40. Lyutikova E., Pereltsvaig A. Elucidating nominal structure in articleless languages: A case study of Tatar // Proceedings of 39th Annual meeting of the Berkeley Linguistic Society, ed. by M. Faytak et al. — Berkeley Linguistic Society Press Berkeley (CA), 2016. — P. 123–136.